

Ильхам Алиев

**Этические проблемы современного права
(Müasir hüququn etik problemləri)**

БАКУ – 2022

Монография рекомендована к публикации постановлением Ученого совета Института Права и Прав человека за номером 03 от 02 июня 2022-го года

Рецензенты: доктор юридических наук, профессор
Г.С. Курбанов;
доктор юридических наук, доцент
З.А. Мамедов

Этические проблемы современного права (Müasir hüququn etik problemləri): Ильхам Малик оглы Алиев. – Баку, «Гянджлик»2022 г.

В монографии впервые в отечественной правовой литературе предпринимается попытка провести комплексный анализ этической стороны права в контексте их соотношения. Основное внимание уделяется выявлению формулирования своеобразного понимания роли морали в современном праве и формировании правового государства. В работе дается научно обоснованный анализ того, как этические последствия происходящих изменений в биомедицинских технологиях настоятельно требуют принятия правовых и законодательных мер.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов

ISBN: 978-2080-2070-9-5

© Ильхам Алиев

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ГЛАВА I ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕЙ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И ЭТИКИ	
§1.1. Право и мораль как базисные ценности цивилизации.....	7
§1.2. Исторический экскурс к этическим основам идей о праве.....	21
ГЛАВА II ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ	
§2.1. Некоторые проблемы взаимодействия моральных ценностей и прав человека.....	54
§2.2. Этические и правовые проблемы эвтаназии и танатологии	65
§2.3. Торжество этических идей в феномене правового государства	94
ВЫВОДЫ.....	135
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	137

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человечество вступило в новый, XXI век, не только не освободившись от сложных политических, социальных, экологических, демографических, национальных и иных проблем, но еще больше усложнив и запутав их. К тому же, крупные достижения XX столетия в области биологии и медицины породили целый ряд проблем как этического, так и правового характера. В настоящее время, в связи с вредными последствиями некоторых современных биомедицинских технологий, всерьез встал вопрос о защите человека, его достоинства, целостности и уникальности, его прав на жизнь и качественный уровень здоровья.

Вопросы этической стороны права всегда волновали человечество, наряду с такими ценностями, как свобода, независимость и социальная справедливость. В обществе во все времена проявлялась сильная тяга к справедливым законам и крепкому законодательству. Независимо от формы правления, политического и государственного устройства, политического режима в каждом государстве верховенство и строгость закона, следование законности являлись самими приоритетными задачами. Именно поэтому, независимо от периода времени, проблемы этики и права не теряли своей новизны и актуальности. Обращение к истории этических исследований в современных условиях приобретает необходимость в контексте формулирования своего понимания роли морали в современности, или как из прошлого созревает современная мораль.

Первые шаги в изучении проблем нравственности, блага, добра и зла были сделаны еще античными мыслителями. Идеи об этичности права также обладают древней историей и корнями, как и феномен права, как социального явления. Правотворчество, зародившись еще в древнем Шумере, последовательно завершило свое становление в средние века в европейских странах путем создания особого законодательного органа – парламента. Феномен закона всегда сопровождался проявлением законности. Там, где был закон, как след-

ствие этого, определялась законность. Следовательно, законы создаются не для того, чтобы остаться записанными на каменных скрижалях, на глиняных табличках или в таблицах на бумаге. Если закон принят, он обязательно должен реализоваться, ему надо следовать, причем всем, независимо от занимаемой должности, социального положения, социальной прослойки или общественного статуса.

После второй половины XX века в связи с применением новых биотехнологий возникла необходимость во внесении принципиальной ясности в некоторые вопросы во взаимоотношениях естественных и гуманитарных наук, в разрешении возникших проблем в рамках сложившихся этических и юридических норм, в пользу всего общества, что привело к интенсификации научно-практических исследований в этом направлении.

Становление, формирование и развитие социально-политических и правовых идей, мыслей, концепций и учений имеет многовековую историю. В этом отношении политико-правовая мысль является ровесницей таких исключительно сложных, многоаспектных, к тому же и противоречивых социальных явлений, как государство и право. Истоки же этих идей уходят своими корнями еще дальше, в более глубокое прошлое.

Необходимость обращения к историческому наследию с позиции истории учений о государстве и праве, к проблеме этичности права, причем к самым древним представлениям и первичным идеям, с научной точки зрения связана с потребностями современной цивилизации, более подробного усвоения своего духовного наследия, процесса развития. Несомненно, что в современный период особенно важно восстановить значимые образцы политических и правовых идей, игравших ведущую и решающую роль в историческом развитии.

Процесс становления, формирования и развития социально-политических и правовых идей, как составной части общественного сознания, имеет многовековую историю, и продолжается, по сей день. Развитие подобного естественно-исторического процесса делает необходимым непрерывное

развитие и общественный прогресс общества.

В отечественной правовой науке до настоящего времени не были проведены монографические исследования, посвященные комплексному анализу обозначенных вопросов в контексте их соотношения. Этические последствия происходящих изменений настоятельно требуют принятия правовых и законодательных мер. Правовая база затрагиваемых вопросов требует фундаментальных многоотраслевых исследований. С развитием технологических возможностей биомедицины, меняются морально-нравственные ориентиры, духовность и мировоззрение обществ, имеющих значительные цивилизационные различия в ментальности, традициональности, образе жизни. В условиях многоотраслевой глобализации, значительной информатизации, открытости любых границ, в том числе, в идеологической сфере, становится доступным и востребованным не только позитивный, но и негативный контекст технологических факторов, оказывающих воздействие на устойчиво-естественное развитие обществ. Стали возможными существенные злоупотребления инновационными знаниями, которых человечество до сих пор не знало.

Биоэтические исследования должны выступать, и выступают сегодня как системный ответ на этические вызовы и угрозы, объективно присутствующие в действующей здравоохранительной практике, в обеспечении жизнедеятельности человека. Вследствие факторов глобализации, замещения национальных культурных и религиозных традиций чуждыми навязываемыми ценностями, современная ситуация обретает еще более неоднозначный характер. Комплекс морально-этических проблем очевидно охватывает почти всю гуманитарную область.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что существует объективная необходимость внести ясность в указанную проблематику. Поскольку название выносимого на суд читателей монографии тесно связано с вопросами духовной защиты и обеспечения, прав и свобод человека, автором осуществлен новый, правовой подход к исследованию вопроса.

ГЛАВА I ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕЙ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И ЭТИКИ

§1.1. Право и мораль как базисные ценности цивилизации

В основу сущности правопонимания кладется его особое призвание, качество отражать идеалы справедливости – одну из наиболее гуманных и вечных прогрессивных идей в истории человечества, теснейшим образом связанной со свободой, равенством.

Намного столетий раньше пытаюсь понять, что есть право, "еще римские юристы обращали внимание на то, что право и его роль в общественной жизни не исчерпываются одним каким-либо смыслом. Дигесты римского императора Юстиниана начинаются с определения древнеримского автора Цельса: "Право есть наука о добром и справедливом..." (36, с. 5).

Право, писал в частности Юлий Павел, чьим сочинениям была придана обязательная сила, употребляется по меньшей мере в двух смыслах. Во-первых, право означает, то, что "всегда является справедливым и добрым – каково есть естественное право". Во-вторых, право – это то, что "полезно всем или многим в каком-либо государстве, каково гражданское право..." (36, с.25). Также в сентенциях древнеримских юристов можно прочесть следующее: "Судья всегда должен иметь в виду справедливость" (13, с. 147).

Будучи "регулирующей нормой политического общения", право, как отмечал еще древнегреческий мыслитель Аристотель, должно служить "критерием справедливости". Для того чтобы знать, что такое право, писал древнеримский юрист Ульпиан, нужно понять, с чем, с какими явлениями оно связано и откуда оно происходит. Нужно помнить прежде всего, что "оно получило свое название от jus

– правда, справедливость", что право есть "искусство добра", "равенства и справедливости". Соотнося право не только со справедливостью и добром, но и с самой природой, с естественным бытием человека: это "разумное положение соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга" (36, с.23).

"Все эти аспекты правового смысла справедливости, внутренней связи справедливости и права "нашли адекватное отражение в образе богини Справедливости Фемиды с Весами Правосудия. Используемые при этом символические средства (богиня с повязкой на глазах, весы и т.д.) весьма доходчиво выражают верные представления о присущих праву (и справедливости) общезначимости, императивности, абстрактно-формальном равенстве (повязка на глазах богини означает, что абстрагированный от различий равный правовой подход ко всем, невзирая на лица, – это необходимое условия и основа для объективного суждения о справедливости). Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права" (16, с.700). Конечно, "понятие справедливости шире права, специфика которого как социального явления заключается в нормативности, обязательности правовых предписаний, в возможности их принудительного проведения в жизнь" (16, с.701). Когда справедливая идея нормативно не закрепляется, то она выходит за пределы права, и присутствует в сфере морали, этики, будучи положением, не имеющего обязательной силы. Закрепление в нормах справедливой идеи, превращает ее в право, в дальнейшем она становится законом (причем правовым). Сформулированные под воздействием советского типа правопонимания, как крайне позитивистского, общественное и индивиду-

альное правосознание наших граждан всегда воспринимало и продолжает воспринимать законы как явления, справедливые по своей сути. Даже в тех случаях, когда законы несовершенны или накладываемые им на людей известные обременения, вольно или невольно пытаются оправдать данный акт, найти ему объяснения. Такое милостивое отношение людей к плохим законам лишь отчасти можно объяснить господством в советское время самого крайнего позитивизма. Оно еще связано с тем, что люди считают справедливость его имманентным свойством. Конечно, в этом есть резон. Так как право, как регулятор общественных отношений пришло на смену прежних социальных регуляторов только тогда, когда они уже не в состоянии были защитить справедливость в обществе. Поэтому такое регулирование общественных отношений считается справедливым.

Справедливость в исламском праве подразделяется на два пласта: идеальную – божественную и несовершенную – человеческую. При этом, человеческая справедливость по своей характеристике и содержанию должна точно соответствовать справедливости божественной. В этом вопросе большое значение уделяется и воле человека в осуществлении справедливости. По этому поводу в знаменитом предании о разговоре пророка Мухаммада (м.е.б.) со своим сподвижником Муазом, назначенным судьей в Йемен говорится следующее: "На основе чего ты будешь судить? – спросил Пророк. По писанию Аллаха, отвечал Муаз, – А если не найдешь? – поинтересовался Пророк. По сунне посланника, – сказал Муаз. А если и там не найдешь? – вопрошал Пророк. То буду судить по своему мнению, не пожелав сил на поиск верного, справедливого решения", – ответил Муаз (47, с.57).

Одним из лучших людей, кто наиболее точно соотносил божественную и человеческую справедливость, явля-

ется Имам Али ибн Абуталиб, который считая справедливость и религиозной обязанностью и одним из религиозных принципов, говорил так: "...Справедливость всякую вещь ставит на свое место., справедливость – общий управитель, и по сравнению с щедростью благороднее и предпочтительнее..." (75, с.369). Ему же принадлежат слова, когда Имам Али желая восстановить справедливость, изложил один из постулатов исламского права: "...Прежние права (на имущество) никогда не утрачивают силы"; и далее: "Истинно справедливости присуща широта, а для тех, кого стесняет справедливость – еще стеснительней для них (должна быть) несправедливость..." (75, с.20). А вот отрывок из его письма, по поводу справедливости, своему заместителю в Азербайджане: "...Поистине, в деле твоём нет для тебя лакомого куска, но это возложенное на твоё плечо доверие, на тебе лежит попечение (о людях) от имени вышестоящих тебя. Не надлежит тебе быть притеснителем тех, кого ты должен опекать..." (75, с. 242). Последнее высказывание благородного Имама Али, по нашему мнению очень созвучно с речью в прямой телетрансляции Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева, где было ясно и недвусмысленно сказано, – руководители страны как избираемые, так и назначаемые, являются слугами народа, не должны быть высокомерными и недоступными для простого народа, а первым слугой народа, является сам Президент Азербайджанской Республики. В последующих выступлениях по этому поводу, Глава Азербайджанского государства подчеркивал, что вопрос быть достойным слугой народа, это вопрос политической культуры. Соответственно этому, признание правительством реальных прав народа и отказ от действий, направленных на ограничение прав людей, т.е. соблюдение требований справедливости, первейшие средства обеспечения согласия народа и важнейшие способы заслужить его доверие.

По глубокому убеждению простых людей законы приносят в первую очередь справедливость в человеческие отношения. В таком случае, справедливость следовало бы рассмотреть как явление, существующее вне человеческого общества, которое оно приобретает благодаря праву. Такой подход создал бы почву для игнорирования тех этапов развития истории, которые просуществовали до появления права. Вряд ли дозволительно будет с точки зрения объективности сводить все значение права только к фактору справедливости. Но при этом следует также отметить, что указанный фактор имеет существенное, если не главное, значение для приобретения законом легитимности. Ибо все другие критерии оценки законов (соотношение с другими законами, эффективность и т.д.) применяются лишь после определения их удовлетворения справедливости (27, с.5). Говоря о справедливости права, следует заметить, что она не существует в буквальном смысле внутри закона. Это нравственно-оценочный критерий, взгляд на законы со стороны. Оценивая тот, или иной закон, как справедливый или несправедливый, на наш взгляд, тем самым мы определяем его соответствие или несоответствие истинному положению вещей, как должное или игнорирующее его толкование. Справедливость закона в предложенном контексте вовсе не означает, что все иные: социально-экономические, политико-культурные, национально-демографические и др. факторы не должны быть учтены при принятии законов и оценке их содержания. Стремление приписать путем законотворчества тем или иным факторам несвойственных им ролей, противоречащих естественному развитию процессов и явлений, всегда чревато для общества неблагоприятными последствиями, порой, даже катастрофическими.

Касаясь справедливости в светском праве, нелишним будет вспомнить утверждение древнегреческих софистов

о том, что "справедливость есть то, что выгодно властям". Общепризнано – "право есть нормативно закрепленная справедливость" (16, с.701). Иначе говоря, не всякий закон можно считать правом, если он не отвечает объективным требованиям права – справедливости. Последнее, как понятие о должном, будучи выраженная в нормах права – законе, носит всеобщий масштаб, является равной мере свободы, одинаковой распространяющейся и обязательной для всех субъектов правоотношений. Если же равное значение справедливости заменяется иными, корпоративными интересами, происходит разрыв границы между правом и произволом. Тогда, закон лишается критерия справедливости и потому не может называться правовым законом, – антиподом несправедливости, неравенству.

Хотим этого или нет, мы должны исходить из того очевидного факта, что в природе реального равенства нет. Она, таким образом, создана и с этой закономерностью необходимо считаться. Ибо другого не дано. Реальное равенство можно обнаружить только внутри ограниченной, обособленной системы, процесса, явления, предмета или объекта и в отношении их самих себе. Достаточно выйти за пределы этих обособленных систем, всюду будем сталкиваться с различными количественными и качественными состояниями. Следовательно, формально-правовое равенство, если судить в буквальном смысле, является фикцией, об этом мы говорили, обсуждая конституционный принцип "равенства всех вероисповеданий перед законом" в предыдущей полуглаве. Неравенство, обусловленное природой самих вещей, не может быть устранено каким-либо путем. Формальное равенство – это есть закрепленное правом фактическое неравенство (в силу чего оно является формальным). Ценность такого формального равенства заключается в его общности. Облекая фактическое неравенство в формально правовое равенство, тем самым право как бы

сглаживает кажущуюся несправедливость, идущую от природы, созданной могуществом Бога, заставляет каждого субъекта правосознания мириться с фактическим преимуществом кого-либо в чем-либо. По нашему мнению, в этой кажущейся несправедливости скрыта Божественная справедливость. Нетрудно представить себе, что, какой серой и скучной была бы наша жизнь, если бы все были одинаково равны во всем. Привнося этим фактическим неравенством разнообразие в нашу жизнь, Бог-Создатель оградил нас от душераздирающей скуки. Следует также иметь в виду, что преимущество одних субъектов перед другими не является постоянным и повсеместным. Оно характерно на определенное время и в определенном правовом пространстве. В другом случае неравенство субъектов может быть замещено или компенсировано.

Внимательный анализ юридических документов, памятников права обнаруживает стремление утвердить в жизни:

– справедливость (охватывающую истину и правду, не случайно, поэтому многие памятники права так и назывались – "правды");

– реализм и жизненность (и потому юридическое регулирование проникает во все сложности жизни, касается деталей и подробностей человеческих отношений, стремится учесть всевозможные жизненные интересы) (14, с.55).

Разумеется, мы не представляем вопрос соотношения равенства и справедливости в качестве простого, который удачно может быть решен с помощью законодательной техники или логических процедур. "Осуществление справедливости нельзя свести к логическим процедурам, к какому-то принципу, приводящему механизм справедливости в действие, – пишет В.П. Малахов, – она не может (и не должна) мыслиться в качестве простого результата деятельности на основе определенного "ассортимента" гаран-

тированных средств. Проблемой оказывается не реализация требования справедливости, а сохранение установки на справедливость, на ее ценность, независимо от того, удачно или неудачно мы действуем в том или ином направлении, можно ли вообще надеяться на справедливость в конкретном случае" (58, с.203). Далее, автор правильно отмечает, что "вопрос о справедливости не может быть удовлетворительно решен в отрыве от конкретной ситуации. Единый алгоритм решений отсутствует. Возможен лишь общий ориентир"(58, с.203).

Будучи основанным на принципе справедливости, в правовой мысли ислама любой нормативно-правовой акт легитимен, при обязательном соблюдении императивных указаний шариата. Главное заключается в том, чтобы эти нормативные акты были истинно правовыми, справедливыми. Источником такого закона должна быть не чья-либо воля, групповые интересы, а человеческий разум, т.е. проще говоря, законы должны быть разумными. По поводу же разумности законов знаменитый классик позитивного права Ш.Л. Монтескье отмечает в своей работе – "О духе законов", следующее: "Законы, говоря вообще, – есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума..." (64, с.287)

Существуют два взаимоисключающих воззрения на суть моральных ценностей. Одни полагают, что мораль связана с тем, что человек вырывается за пределы своей физической природы, а потому нуждается в законах. Эти законы бывают внешними - право, и внутренними - законы нравственности. Такое деление присуще всем, что позволяет говорить о единой человеческой природе, проявляющейся при сменах культур и цивилизаций. Мир постоянно меняется, а человек меняется, когда из меняются его цен-

ности. Жизнь ценностей - это процесс, также как жизнь природы. Ценности в современную эпоху стали меняться с большой скоростью. Ученые говорят, что мы живем в эпоху перемен. Это касается ценностей, так как в остальном природа живет по прежним своим законам. Иногда утверждают философы, что глобализация - это период стремительной смены парадигм и ценностей, но это не оправдывает безразличия к ним. Думать надо и тогда, когда живешь в эпоху переоценки ценностей. Конечно, ценности различных народов различаются. Но при своем различии ценностей и традиций, некогда существовавшие и ныне существующие культуры имеют несомненную общность. И это общность единство в наличии нравственных оснований, ценностей человеческой культуры. В продолжение этого цитирования, следует отметить, что в человеческой деятельности существуют определенные ориентиры. Их называют ценностями. Ценность - это то, что значимо для человека, что ему дорого и важно, на что он ориентируется в своей деятельности (80, с.128). Ценности настолько тесно связаны с потребностями, что любая социальная общность при построении конкретной системы культурных ценностей, для роста этой системы в фундамент закладывает идеалы и потребности членов этой общности. Система культурных ценностей в социуме может состоять, как из главных жизненных ценностей (сюда входят представления о цели и смысле жизни, о счастье), так и мировоззренческих, моральных, эстетических, правовых и прочих ценностей. При этом, правовые ценности по большей части не указывают на признаки конкретного поступка, они лишь "дают направление" для действий, создают основу для принятия правомерного и нравственного решения. Ценностные представления, входя в правовое и нравственное сознание наших граждан, становятся неотъемлемой частью их психологии, после чего порождают правомерное пове-

дение. При наличии искаженных ценностных ориентаций, они же могут породить и противоправное поведение.

Если технологии способны оказывать влияние даже на процессы, протекающие в микромире, то на человеческую жизнь они оказывают влияние тем, что предъявляют вызовы человеческому общежитию. Опыт прошлого может нам подсказать, как категории этики помогают осмыслить эти вызовы, но многое здесь требует переинтерпретации. Общепринято, что узловой проблемой, по степени важности стоящая среди первых ценностей, для людей является проблема смысла его жизни. Рассмотрение этой проблемы для человека, проходит через восприятие им своей тленности, конечности. В отличие от животного мира, человек знает о наличии смерти и понимает ее приближение. Развитие и совершенствование идей о сверхъестественном, "тонком" и неосязаемом духовном мире, представления о смерти и возможности ее "духовного преодоления", являются одними из целей исламской религии, впрочем, как и во всех традиционных религиях. Характеризуются эти цели именно как религиозные, потому, что у всех других видов человеческой деятельности в качестве целей достижения они не поставлены.

По-видимому, наш период относится к такому историческому периоду, который заставляет человека думать над смыслом жизни и ответы на эти вопросы оказываются индивидуальными. Человек, формируемый современной цивилизацией, не способен коллективно обращаться к высшим уровням человеческого сознания. Он использует возможности интеллекта, но недооценивает его нравственные возможности. В этом состоянии человеческая цивилизация сформулировала два ответа: индивидуализм и коллективизм. Оба они верны и способны проложить путь к диалогу. А проблема в том, что крайние их варианты не способны достичь консенсуса. Их борьба друг с другом

обречена на трагизм и трагедию для человечества. Многие ученые и философы считают, что правильным является один из вариантов. На деле же разнообразие ответов свидетельствует о том, что различие ответов, дискуссий и компромиссов необходимый атрибут человеческого общежития. Для этого нужны нравственные ценности, рациональность, признание ценностей иного выбора. Именно этого признания нет в плюральных демократических обществах.

Верная примета нашего времени - потребность в диалоге цивилизаций, культур, людей и т.д. На наш взгляд, ключевым понятием является цивилизация. Прежде всего, уточним понятие «цивилизация». О цивилизации в философии и этике говорят в нескольких смыслах. Понятие используется, во-первых, как понятие, обозначающее высший компонент развития, антонимом которого является «дикость», «варварство». В таком контексте цивилизация отражает степень выделенности человека из природной действительности, его способностью конструировать особый тип взаимоотношений между людьми. И если «дикость», «варварство» отражает приоритет насильственным формам взаимоотношений, то цивилизованный предполагает цивилизованные отношения, т.е. ненасильственные, правовые, городские условия жизни.

Во-вторых, под цивилизацией понимается «специфическая религиозно-культурная традиция, достаточно развитая и широко распространенная в мире, определяющая образ жизни и принципы поведения, систему духовных и моральных ценностей. Таких глобальных традиций истории известно всего четыре: одна западная и три восточных» (24, с.213). Хотя А.Тойнби в работе «Постижении истины», говорит о 21 цивилизации, которые имеют тенденцию к сокращению по ходу исследования до 8 (35, с.8).

В-третьих, под цивилизацией понимается скорее мате-

риальная сторона жизнедеятельности человека, противостоящая культуре - духовной составляющей. По-видимому, все три варианта связаны между собой.

В юридической литературе широко известна классическая формула-изречение, что "право есть нормативно закреплённая справедливость" (16, с.699). Иначе говоря, не всякий закон можно считать правом, если он не отвечает объективным требованиям права – справедливости. Последнее же, как понятие о должном, будучи выраженная в нормах права – законе, носит всеобщий масштаб, одинаково распространяющийся и обязательный для всех субъектов правоотношений. Если же равное значение справедливости подменяется какими-либо частными, корпоративными интересами, происходит разрыв границы между правом и произволом. В таком случае закон лишается критерия справедливости и потому не может называться правовым законом. Правовой закон – антипод несправедливости, неравенству. Реальная жизнь такого закона возможна только в условиях правового государства, общества. Неразделимость в общественном правосознании права со справедливостью всегда было связано с тем, что оно в состоянии точнее всех других (не нарушая чаши весов) социальных регуляторов выразить в себе справедливость и надежнее защитить ее. Такое преимущество придается ему государственной силой принуждения. И вот когда наступает момент вмешательства со стороны государства, тогда с острой необходимостью встает вопрос о справедливости такого вмешательства, т.е. речь идет о том, что выступая в качестве носителя справедливости, право и при защите его от посягательств, и в случае его восстановления требует соблюдения справедливости. Иначе, оно теряет свой смысл и эффективность. Вот почему в определении рассматриваемого принципа правового государства подчеркивается господство права, как социальной ценности, ориентирую-

щейся на высшие гуманистические, демократические идеи – справедливость, свободу, равенство и верховенство такого закона, который выражает как правовые, так и исторически-традиционные, в нашем случае религиозные принципы общества. Пока право и закон различаются, пока сохраняются и действуют законы, не отвечающие принципам справедливости, свободы и равенства, говорить о построении правового государства, как это закреплено в Конституции АР, в статье 7-ой (55, 5) нельзя. В исторической перспективе, когда будет создано правовое государство, одним из его признаков станет сближение права и закона. (А вопрос справедливости, нами более подробно будет рассмотрен в третьей главе работы.) Соответствие законов естественно-духовным потребностям людей обеспечивается волей законодателя. Ибо оно является имманентным только для естественного права, а для позитивного права выступает в качестве приобретенного свойства. Чтобы этот признак стал неотделимым и для позитивных законов, они должны быть результатами коллективного разума, т.е. власть, издающая их должна быть производна от народа. Только такая власть может учитывать в издаваемых законах естественные потребности народного духа, в котором обязательно присутствуют религиозные компоненты. Именно такой закон может быть превыше всего. История свидетельствует о том, что в различных стадиях ее прогрессивного развития законы всегда являлись продуктами коллективного разума. В противном случае законы превращаются в средства придания законности капризам одного человека или их узкой группы.

Нужно признать сомнительной точку зрения, когда основным критерием законности указывают на соблюдение закона, не затрагивая при этом вопроса о правомерности самих законов. Закон суров, но он закон. Говоря о неправомерности законов, следует иметь в виду, что она не все-

гда выступает в открытой форме и выражается только в его не гуманности. Нужда человека в наиболее разумном определении границ свободы и надежной её защите послужила причиной возникновения права. Исходя из того, что указанная нужда есть объективная и естественная потребность духа, то целесообразно называть такую связь духовно-причинной. В философском смысле её можно определить как субстанцию права, т.е. тем, что никогда не изменяется, является устойчивым. Именно благодаря этой устойчивости, мы всегда имеем возможность отличить право от неправа. Отсюда не следует делать вывод о том, что право есть явление застывшее, не испытывающее на себе влияние общественного прогресса. Оно само является локомотивом такого развития. Просто речь идет о том, что первопричина, т.е. нужда человеческого духа в разумной свободе, всегда продолжает оставаться "заказчиком" права. А пределы разумности, условия их обеспечения постепенно изменяются (65, с.245). Без устойчивой субстанции явления не только не могут существовать, но именно с ней связано отношение времени: "...без этого устойчивого невозможно никакое отношение времени. Время само по себе не может быть воспринято; следовательно, это устойчивое в явлениях есть субстрат всякого определения времени..." (46, с.201). Вразрез с потребностями народного духа, а дух азербайджанского народа, бесспорно, наполнен морально-религиозной составляющей, в каркасе которой всюду виден императив принципа справедливости, законы не должны приниматься. Справедливость является имманентным свойством права, однако в силу того, что оно само по себе, подобно природному явлению, не может возникнуть самостоятельно, следовательно, придание ему такого качества путем законотворчества будет зависеть от воли законодателя. Для избежания расхождения между идеей права и закона, думается, сама государственная

власть, процесс правотворчества должны быть правовыми. Проще говоря, власть сама должна быть порождена правом и считать себя связанной им. "...В подчинении власти собственным законам – суть правового государства, ибо там, где кончаются законы, начинается произвол. В свою очередь законы должны основываться на идеях естественного права человека и гражданина, свободного развития личности..." (61, с.423). Эти права производны от естественных потребностей человеческого духа и именно они вызывают к жизни такие политико-правовые явления (системы), как правовое государство и гражданское общество. В социальной жизни ведущее место принадлежит духовному началу. Поэтому все виды детерминационной связи, в том числе причинно-следственная, действующие в социальной среде производны от потребностей человеческого духа. Рассуждая о существовании духовных и материальных начал, А.Дьюи писал: "...Раз имеются материальные и духовные явления, а роль вторых в жизни людей возрастает, то остается постоянная возможность при объяснении природы и мира исходить либо из материальных явлений и процессов, принимая их тем самым за первичное, либо из идеальных – с аналогичным результатом..." (41, с.39). Из сказанного выходит, что создание и функционирование социальных систем, их изучение и совершенствование должны осуществляться с учетом духовного фактора.

§1.2. Исторический экскурс к этическим основам идей о праве

Этические корни политико-правовых идей относительно моральности закона в Азербайджане имеют глубокие исторические корни. Так, например этика зороастризма сформировалась в глубинных слоях истории политической и правовой мысли. Принципы этики зороастризма

сыграла исключительную роль в характеристике правового познания.

Осознание проблем государства, права, политики и закона началось еще в ранний период человеческой истории, когда человек лишь только начал постигать себя. Однако пока политико-правовые и этические размышления человека еще носили ограниченный характер, не могли выйти за рамки мифологических представлений, в самые ранние периоды развития истории (в том числе в древней Греции времена Гомера, в Азербайджане – времена зороастризма) они были схоластическими. Если даже то, что создавалось природой, обожествлялось, то, все, что стояло в основании живого, было связано с понятием человеческого. Вместе с тем господствовавшие в обществе мифологические представления были не в состоянии осмыслить силу человеческой воли, его могущество, в целом истину.

Это было связано с рядом факторов. Прежде всего, мифология не разграничивала понятия объекта и субъекта в истории (20, с.5). Однако последующее развитие человеческой истории показало, что лишь человеку свойственно строить жизнь на этических принципах, лишь он может создать государство, управлять обществом (в том числе государством), регулировать различные общественные отношения, создав для этого законы. В целом государство, право, политика, закон, законодательство и прочие социальные явления есть плод человеческого разума, борьбы человека за свое существование на протяжении многих тысячелетий.

Именно с этой точки зрения можно проследить несколько аспектов в человеческой природе. Во-первых, человек есть единство материального и духовного, есть существо, в котором все составные компоненты составляют единое целое. О человеке, как едином психосоциальном целом, о его таких ценностных свойствах, как чувства и

эмоции, ощущения, воля и духовную жизнь говорили и писали многие мыслители (72, с.81). К примеру, Аристотель писал, что «во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Во всех людей природа внесла стремление к государственному общению, и первый, кто организовал это общение, оказал человеку величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейший из живых существ и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее критерием справедливости, является регулирующей нормой политического общения» (20, с.35).

Как известно, в античном периоде политико-правовые идеи проявлялись как логическое продолжение взглядов на этику. Так, социально-политическая этика античного периода, т.е. исследование взаимоотношений между личностью и государством, относилось к знаниям, связанным с областью политики, а также социально-политической этики. К примеру, Аристотель свои социально-политические взгляды излагал, наряду с «Политикой», также в произведении «Никомахова этика».

Согласно логике Аристотеля, главным произведением науки о государстве являются законы. Именно с этой точки зрения он связывал строение государства (формы правления государством) с содержанием законов. Мыслитель указывал, что «политика есть главнейшая из опытных наук, однако наивысшее счастье дано не политику, а мудрецу-философу; законы тогда могут принести пользу государству, когда их применяет мудрец-философ» (21, с.13). Из этого суждения мыслителя можно сделать вывод о том, что, во-первых, справедливые, хорошие законы могут быть изданы лишь в государствах, обладающих демократиче-

ским строем. Во-вторых, применение законов могут принести больше в том случае не правовой политики, реализуемой главой государства, а при применении их со стороны мудрого государственного правителя.

Аристотель, заложивший основу философии права, в воспитании личности главное место отводил законам. В связи с этим он также коснулся высокой эффективности при правильном применении законов. Мыслитель, связывавший воспитание человека с его нравственными корнями, заботой, проявляемой в отношении индивида, подчеркивал, что законодательное воспитание опирается на право (84, с.298). Несомненно, что здесь Аристотель, наряду с правовым воспитанием, имел в виду также и помощь в воспитании человека правовыми средствами (через получение правовых знаний). Это подтверждает следующее его высказывание: «закон, являясь суждением (логосом), опирающимся на познание или разум, обладает насильственной силой» (21, с. 289).

В политико-правовом учении Аристотеля закон, имеющий этическую основу, выступает в единстве с правом. Мыслитель писал: «тот, кто хочет власть закона, тот хочет подчиниться власти Бога и разума; тот же, кто требует власти индивида, тогда они заходят добавить сюда и животное начало; так, нужда, страсть есть признак животности и гнев, даже если правители хорошие люди, уводит в сторону от правильного пути; и, наоборот, закон – это разум, который свободен от безответственных призывов» (20, с. 123).

Аналогичные идеи об этических основах закона и законности, сформировавшихся в политико-правовой мысли античности, можно повстречать и в истории политической и правовой мысли Азербайджана. В древние времена в Азербайджане пропагандировалось уважение и почтение к человеку, его чести и достоинству, в целом к нравственным ценностям. Пропаганда положительных нравственных

качеств человека свое выражение нашло в устном народном творчестве, в «Авесте», в идеологии общественно-политических движений, высказываниях их передовых представителей последующих периодов, а также в программах действия этих движений, в высказываниях отдельных мыслителей в период развития феодализма.

В философской литературе, говоря об истории этических учений Азербайджана, можно стать свидетелем богатства гуманистических идей в устном народном творчестве. В научной литературе показывается, что в азербайджанском устном народном творчестве в широком смысле слова добро составляет цель и сущность человека.

В фольклоре азербайджанского народа есть много сказок и преданий, отражающих в себе нравственные ценности и усилия народа в формировании общественно-политических идей. Основное содержание частей сказок и преданий, относящихся к общественно-политическим мотивам, составляет свободная и обеспеченная жизнь, освобождение от гнета, призывы к правителям к мудрости и справедливости и т.д. Пословицы, созданные азербайджанским народом, воспевают равенство, требование сохранять достоинство и честь человека, его свободу, справедливые законы.

Говоря об этической основе идей о законе и законности в политической и правовой мысли Азербайджана, необходимо также остановиться на положениях, нашедших отражение в «Авесте». Как уже говорилось, праведное дело, праведная мысль и праведное слово составляют основу этических взглядов зороастризма. Нравственная чистота и чистота помыслов, следование данному слову, соблюдение подписанного договора, добросовестное выполнение его пунктов, добросовестное отношение к труду, забота ко всему живому составляет основное содержание указанных трех принципов.

Существенной чертой, характеризующей этику зороастризма, является то, в отличие от зороастризма периода феодализма, наряду с вознаграждением за чистоту и добронравие в судный день («Авеста», Вендидад, XIX, 89-90), человек мог получить вознаграждение и сегодня. из самих существовавших тогда жизненных противоречий. Согласно зороастризму, неустанное изучение священных законов этического учения зороастризма расценивалось как одно из высоких нравственных качеств человека.

Этическое учение зороастризма избирает направление своего рода самосовершенствования, рекомендуя нашим предкам воспользоваться поучительными плодами жизненной практики. Согласно этике зороастризма, разум и мышление человека, формирование у него чувства справедливости совершенствуется и развивается благодаря неустанному изучению и усвоению назиданий и рекомендаций.

Идеальное общество, пропагандируемое в «Авесте», и законы, пропагандируемые для применения в управлении этим обществом, проповедовало тем самым общество, где люди жили свободно и счастливо, не было гнета и несправедливости, правил свободный труд (69, с.58). Естественно, что в основе такого общества стояли справедливые законы, опирающиеся на нравственные принципы. Общество, проповедуемое зороастризмом как лучшее, было обществом, управляемым законами Мазды, по которым люди жили и работали. В научной литературе есть такая мысль о том, что здесь прославлялась монархия (57, с.108).

Однако в юридической литературе есть другое предположение, согласно которому в «Авесте» пропагандировалась не просто монархическая власть, а власть просвещенного монарха (62, с.10). Мы согласны с каждым из мнений и отметим, что идеальное общество, которое пропагандировал зороастризм, есть общество, управляемое

мудрым, знающим и справедливым монархом, и в этом обществе характер власти определяется именно этим, а также природой законов, принимаемых и утверждаемых мудрым государем. Одним словом, это общество потому идеально, что во главе его стоит мудрый и справедливый правитель, законы, которые принимаются и пропагандируются, потому справедливы, что их создатель сам мудр и справедлив.

В период зороастризма в Азербайджане широкая панорама законов, существовавших в то время и отдельных юридических институтов дана в части «Авесты» («Законы против дивов»). «Вендидад», состоящий из 22 глав, является одной из существенных частей «Авесты», состоит из сборника положений учения маздаизма и норм законодательства, относящихся к различным сферам права. Социально-этический лейтмотив этого сборника законодательных норм состоит в различных указаниях, требованиях и правилах выполнения обязанностей. В основе законодательных норм, отраженных в «Вендидаде», несомненно, лежат нравственные ценности. Это можно ясно увидеть в содержании рекомендуемых и анализируемых норм и указаний в отдельных главах. К примеру, здесь, в третьей главе имеются в виду, при указании на необходимость осторожно и бережно обращаться с природой, правила-требования экологического и гигиенического характера.

Согласно «Авесте», поскольку земледелие является одним из ценностей, которые помогают выжить человеку, то нельзя совершать неприятные поступки в отношении к земле. Это требование носит своего рода запретительный характер. В «Вендидаде» говорится о том, что это против общества и его морали, и за подобные поступки необходимо наказывать. В этой же главе говорится о необходимости хорошо питаться для того, чтобы беречь свое здоровье. В этом отношении характерна пятая глава, где говорится о

необходимости очищения женщины после родов, что является прямым гигиеническим требованием. В этой же главе говорится о мощи законов в борьбе против дивов. Мощь и величие этих законов были в том, что они рекомендовали воспитывать у членов общества высокие нравственные качества, уважительно относиться к святости законов в борьбе со злом в общественной жизни.

В книге «Авесты» «Вендидад» уделено внимание и материальным (по закону), и нравственным (этическим) последствиям нарушения условий обязательств по имущественно-правовым договорам. Если сказать современным юридическим языком, то нарушение условий договора, а также ненадлежащее его выполнение нанесло урон, то возмещение его было обязательным. В «Авесте» также достаточно выпукло рассматривается и моральная сторона вопроса, когда, при нарушении условий договора смытие этого греха можно было возложить и на ближайших родственников виновного.

Одним из вопросов, привлекающих внимание в «Авесте», была семейно-брачная проблема, также имевшая нравственное основание. Из проповедуемых идей становится ясно, что в период зороастризма семья в обществе занимала особое место. Несомненно, что семья, ее защита была необходима, поскольку она выполняла, прежде всего, функцию продолжения человеческого рода. Необходимость семьи, детей, звучало в «Авесте» как нравственно-моральное требование. Так, создание семьи, рождение детей считалось проявлением добродетели. Именно поэтому в «Вендидаде» отдается преимущество отцу семейства (главе семьи) и считает основным долгом отца отдать дочерей замуж.

В этом отношении представляет интерес то, как проводится сравнение между женатым лицом и холостяком в «Авесте». Из сравнения становится ясно, что следует по-

ощрять и одобрять брак, защищать правовые обязанности семейного человека, его позицию в обществе. Лицо, имеющее дом, семью, детей считается превыше того, кто всего этого не имеет, и должен особо почитаться (15, с.48). Разумеется, это указание «Авесты» не носило цель преследования молодых и холостых, их изоляции от общины, или же лишить уважения общества. По-нашему мнению, цель была дать понять молодым, что, когда наступит время, необходимо создать семью, что принесет пользу всем, всему обществу. С другой стороны, семейный человек, имеющий детей, несет еще большую ответственность, стремится, ради прокорма и поддержки детей, заняться общественно-полезным трудом. А общественно-полезный труд есть самое высокое требование, которое зороастризм предъявлял к человеку.

Согласно «Авесте», следует высоко ценить преданность мужа и жены друг другу, а если этого нет, то они недостойны иметь детей. Добрые духи именно из-за предательства супругов в отношении друг к другу наказывают их бесплодием.

Необходимо также отметить, что многие положения «Авесты» связаны с воздаянием за каждый проступок по заслугам. К примеру, в «Вендидаде» хороший уход за почвой завершается получением за это многих благ, в том числе получением в награду молодой дочери, талантливых детей, богатства, что равно преподношению в дар своего сына близкому другу (68, с.18). Можно предположить, что поговорка, которая бытует в народе о том, что «земля сказала – обработай меня, я взамен отблагодарю тебя», или же «земля за одно сделанное взамен отдаст тысячу, а несделанное – ничего не даст» есть то, что осталось в виде духовного наследия от периода зороастризма.

Оказание почтения женщине во времена зороастризма подтверждает такой факт, что в «Ясне» есть женские име-

на, которые были канонизированы за их мудрость, разум, святость. Функции и обязанности женщин не состояли лишь из выполнения хозяйственных задач. В целом «Авеста» имела большое значение в нравственном и духовном прогрессе своего народа. Это подтверждает ее активная борьба со злом, пропаганда идеалов духовной культуры и религиозных предписаний (68, с.18).

Проблемы закона и законности в политико-правовой мысли Азербайджана прошли определенное эволюционное развитие тогда, когда Азербайджан был в составе империи Сасанидов. Это также относится к периоду, когда в Азербайджане формировались феодальные общественно-экономические отношения и способ производства. Именно с этой точки зрения основным источником права в Азербайджане периода ранних феодальных отношений была «Авеста».

В период, когда Азербайджан был в составе империи Сасанидов, правителями этого государства также были приняты ряд юридических сборников. Сохранилась лишь одна из книг, относящейся к юридическим памятникам периода Сасанидов - это «Книга тысячи судебных приговоров». Наверняка, в государстве Сасанидов не было систематизированного сборника (кодекса) юридических актов. Указанный сборник законов состоит из сборника различных правовых казусов, охватывающих различные сферы права и судопроизводства. «Книга тысячи судебных приговоров» была составлена в 620 году в качестве практических рекомендаций для судей.

Указанная книга является единственным экземпляром периода правления Сасанидов в жанре юридического сборника. При его составлении были использованы несколько других сборников, однако в этом памятнике о них не упоминается. Толкование книг юридического содержания переводчиками связано с тем, что язык «Авесты» был

сложным, эти книги читались с трудом, и понимать их было почти невозможно.

Поскольку практически юридические указания не реализовывались, то и выражаемые ими правовые нормы стали архаичными (в том числе состоящих и правовых норм «Авесты»), они уже не отвечали уровню развития империи Сасанидов.

Положения «Книги тысячи судебных приговоров» относятся к отдельным сферам права и институтов. В сборнике рассматриваются вопросы семейных взаимоотношений, формы брака, положение дел, условия дарения и заключения договоров, их узаконивание, организация судопроизводства и его ведение. В указанном сборнике законов нашли свое отражение также нормы трудовых отношений, делинквентное право, а также процедура оформления правовых документов и проч.

Подытоживая в данной части исследования анализ проблемы, можно прийти к такому выводу, что этические основы идей, связанных с понятием закона, включая в себя основополагающие принципы этики зороастризма, развивались в соответствии с требованиями общества.

Вопросы справедливости, бесспорно, всегда занимали мыслителей Азербайджана. Для них справедливость являлась такой важной ценностью, без которой немислимо построение нормальных социальных отношений. Здесь уместно будет упомянуть слова великого мыслителя Азербайджана Насираддина Туси о том, что справедливость находится посередине истины (9, с. 48). Н. Туси считал, что социальная справедливость органически сопровождает все общественные отношения. Поэтому он расценивал социальную справедливость как важнейший критерий, составляющий основу и суть законов. По его мнению, справедливость – это ядро правды, и все остальные качества основываются вокруг этого ядра, соответственно законы всегда

должны служить справедливости. Он сравнивал категорию справедливости с "...равенством и правильностью...", а также отмечал, что "...умение определить середину во всем и, благодаря познанию середины, не допустить отклонений становится возможным только в результате равенства, которое называется голосом совести" (8, с.142). Как пишут специалисты в области истории политических и правовых учений в Азербайджане, зародыши идей о правовом государстве встречаются уже в древнем памятнике "Авеста" (72, с.6), вероуставной книге религии зороастризма, возникновение которой связано с именем пророка Зардушта (Зороастра) (5, с.15). В ней содержатся сведения как о необходимости строгого выполнения законов, соблюдении справедливости, так и праведных правителях, которые и должны возглавлять государство, подчиняясь священному, справедливому закону. В соответствии с этикой зороастризма, именно справедливость является главным принципом закона. Ясно, что "Авеста", состоящая из мифов и легенд, созданных народом, и религиозных наставлений, не может служить четким источником современного учения о правовом государстве. Однако, как утверждает ряд западных специалистов, учение зороастризма проникло в европейскую цивилизацию и стало служить первоосновой идей по праву справедливости (74, с.79).

В Азербайджане социальные, экономические и политические события описывались как в художественной литературе, так и в работах социально-политического содержания.

Этот период также ознаменован развитием устной и письменной литературы. В устном народном творчестве было сильно начало мифологии и религиозной схоластики, а в письменном творчестве – события реальной жизни.

Памятник азербайджанской истории и социально-политической мысли, героический эпос "Китаби-Деде Гор-

гуд" является произведением устного народного творчества, который позже был записан на бумагу и стал одной из величайших культурных ценностей нашего народа (49, с.5).

"Китаби Деде Горгуд" описывает экономическую и военную жизнь, нравы и обычаи, идеи и мечты в эпоху патриархально-феодальных отношений (34, с.13). "Китаби Деде Горгуд" является исторической хроникой, включающей в себя мифологические элементы, XII - XIV веков. Он также является историей азербайджанского народа, свидетелем его социально-политического существования (49, с.14). «Китаби Деде Горгуд» является великолепным памятником знанию и воображению, и отражает жизнь, человека, смысл жизни, правила поведения, и другие подобные понятия .

Описание событий в "Китаби Деде Горгуд" позволяет предположить, что общество, называемое Огузом, являлось независимым государственным органом, общественно-политической организацией, имеющей примитивные элементы государственности, включающие в себя механизмы простого управления. Написание эпоса в глубоко патриотическом стиле, героическая борьба Огуза за суверенитет, наличие моральных норм поведения в обществе свидетельствует о сформированном социально-политическом мышлении и мировоззрения огузцев.

Огузское общество имело свои традиции и социальное мышление, а также конкретные законы. Огузцы создали на территории Азербайджана общественно-политический строй, не встречающийся ни до, ни после них. Главной особенностью этой модели с точки зрения политической и правовой точки зрения является ее прогрессивность, высокий уровень жизни и демократические законы.

Общественные события, описываемые в "Китаби Деде Горгуд", позволяют передать идею тогдашних историче-

ских событий, социально-политическую жизнь, различные процессы, происходящие в то время. Таким образом, режим власти и общество Огуза были достаточно стабильными, хоть и управлялись неписаными законами. Юридические традиции, преобладающие в обществе, нормы поведения, а также управление и администрирование правосудия, прежде всего, основывались на этических корнях (49, с.214).

Из отдельных общественных процессов, описываемых в эпосе, становится ясно, что в огузском обществе отношения между людьми и властью, строились не на подчинении, а на симпатии и взаимном уважении. Законы, присутствовавшие в огузском обществе, оказывали влияние и на жизнь отдельной семьи.

Панорама социально-политической жизни Огуза в "Китаби Деде Горгуд" показывает, что это общество не признает угнетателей и угнетенных. Это суверенное общество включало в себя свободное население и социальное равенство кланов и племен.

Разделение слоев общества в огузском племенном союзе, на наш взгляд, не носило юридически официально-го характера. На протяжении всего эпоса мы не встречаем там ярких различительных признаков по социальному положению или богатству. На основе "Китаби Деде Горгуд" можно предположить, что власть в Огузе сосредоточилась в двух диванах. Один из диванов, возглавляемый выполнял функцию как законодательной и исполнительной власти, так и функцию судебной власти. Потому, что наряду с принятием различных законов и решений, не исключено, что диван также занимался исполнением решений и принятием указов, касающихся различных областей жизни общества.

Для решения важных государственных вопросов, мужчины собирались в шатре правителя. Важные государ-

ственные вопросы обсуждались и решались коллегиально ханом вместе с другими господами. Этот опыт огузского общества позволяет заключить, что диван играл важную роль в качестве представительного органа в управлении государством.

Наиболее яркий представитель социально-политической и правовой мысли XII века, Низами Гянджеви (1141-1209) стал живым памятником своей эпохи и гуманизма будущего времени. Низами является незаменимым олицетворением нашей речи, мысли и идеи.

Гуманизм составляет логический акцент в поэмах Низами. В центре творчества Низами стоит проблема человека и человеческой судьбы. На протяжении всего творчества мыслителя интересует индивид, как социально-психологическая личность, его ценности, и жизненная позиция. Нужно рассматривать высшую точку проявления социально-политических убеждений Низами именно в этом. Его великолепное художественное наследие также стоит изучать именно с этой точки зрения. Широкий спектр художественных и возвышенных мыслей в работах Низами, восхищение идеальной любовью, размышления о справедливом обществе, проблемах труда, государственной структуре, моральных и социальных отношениях связаны именно с его гуманистическими взглядами.

Видеть человека свободным и счастливым, любить жизнь и ее красоты в условиях лишений и жестокости, выступать против угнетения и насилия, несправедливости и всех форм нечеловеческих отношений являются характерными особенностями гуманизма Низами. Теория гуманизма философа основывалась на отношении к человеку как самому ценному активу Земли, сочувствии и сострадании к духу человека и его правам. В это время такие гуманистические идеалы еще не были известны Западу. Можно смело заявить, что теория гуманизма Низами почти

на столетие опередила гуманизм эпохи Возрождения в Италии. Таким образом, нет никакого сомнения в том влиянии, которое оказали идеи гениального мыслителя на общественную и политическую мысль в эпоху формирования буржуазных общественных отношений в Западной Европе.

В своих произведениях Низами описывает благородные качества человека, полезный труд, желания и мечты, и вскрывает уродливые качества ради победы идеала. Человек должен быть прекрасен как снаружи, так и изнутри, в своих мыслях и действиях – вот эстетическое назначение этого наследия! Мыслитель следует принципу возвышения и возвеличивания человека. Это еще одна особенность, характеризующая гуманизм Низами.

Защита прав человека, свобода личности, индивидуальная воля и независимость, культурный прогресс переломных моментов духовной сущности гуманизма эпохи Возрождения нашли яркое воплощение в социально-политических взглядах поэта.

Гуманизм Низами отвергал беззаконие, социальное угнетение и насилие. Политические идеалы свободы, равенства и социальной справедливости, присущие идее поэта, предполагали, что стремление человека к счастью и миру является его естественным правом. Тем не менее, этот закон был нарушен злыми силами общества. Корень нарушения существующих законов заключается в их бессилии. В обществе, где законы слабы и бессильны, возрастает количество злых сил.

Когда мы говорим об этике и гуманизме, мы подразумеваем только хорошие, добрые дела. Там, где человек совершает подлые деяния, нет человечности. По мнению Низами, глобальное угнетение и насилие являются результатом потери человечности. Тирания и бесправие в обществе буквально похоронили человечность. По мнению мыслителя, признаком человечности является служение

человека на благо общества, проявление милосердия и добра. Служить обществу является честью для человека. Нет высшего наслаждения, чем служить обществу.

Значит, плохое происходит там, где нет человечности. А где нет человечности, там не работают законы. В обществе, где не работают законы, невозможны двусторонние отношения между государством и личностью. Именно с этой точки зрения, для политического идеала Низами характерно свободное развитие личности. Человек, которого представлял мыслитель, не был беспомощен перед лицом судьбы, он уверен в своей жизни, и сам управляет своей жизнью. По мнению Низами, человек пришел в этот мир не для того, чтобы быть зажатым тисками закона, но для того, чтобы самому писать необходимые для него правила.

Подход Низами к деятельности правителя как к типу универсального управления не является случайным. По логике философа, правитель также служит миру. Универсальный взгляд Низами на общественно-политические вопросы можно объяснить именно этим. По его мнению, любой закон должен нести универсальное глобальное значение и служить идеалам всего человечества.

Таким образом, гуманистические идеи о законе и законодательстве в XI-XII веках в Азербайджане, были выражены в эпосе «Китаби Деде Горгуд», в творчестве целого ряда ученых-правоведов, а также в социально-политических и правовых взглядах Низами, выступавшего за свободу и равенство, права человека, и социальную справедливость. Наряду с обогащением истории политической и правовой мысли Азербайджана, это способствовало развитию ее нового и яркого содержания.

Аналогичные идеи нашли свое выражение в утопических взглядах Низами в последних этапах его творчества, и воплотились в демократических идеях.

Учение Низами об идеальном обществе является уто-

пией. Это учение мыслителя обогатило историю социальной утопической мысли Ближнего и Среднего Востока, и сыграло важную роль в формировании общественно-политической жизни в Европе.

Идеи Низами об идеальном обществе является логическим продолжением идей о развитии демократических структур.

Нельзя считать доктрину идеального общества великого мыслителя пустой фантазией. Даже если это учение было утопическим по своему содержанию, оно содержало реальную программу действий.

Указанное учение было начато в поэме "Хосров и Ширин", продолжено в «Искендернаме», но от этого его общественно-политическая, правовая и историческая ценность не уменьшается. Учение об идеальном обществе является примером участия мыслителя в развитии универсальных идеалов.

По мнению Низами, совершенствование культуры человека является гарантом духовного богатства общества. Человек может достичь духовного совершенства только в свободном и прогрессивном обществе, только там он получает шанс построить достойную жизнь. Для общества свободных и равноправных людей неприемлемы социальное неравенство, беззаконие и произвол, насилие, кровавые и несправедливые войны, отсутствие стабильности и единства (26, с.129). Следовательно, человеческая жизнь, реализация его прав связаны с самим обществом.

Во взгляде Низами на идеальное общество его политический идеал тесно связан с этическим. Это единство выражается в единстве нравственной чистоты и достоинства человеческой личности, человека и общества в целом. Это общество было политическим идеалом тех, кто выделялся приверженностью этическим нормам и законодательству, борющихся за совершенное общество.

Поэма великого мыслителя «Искендернаме» является венцом эпической утопии об идеальном обществе. Это произведение является ярким показателем таланта Низами. Именно в этой поэме блестяще показано отличное знание Низами философского наследия древнегреческих мыслителей. Становится ясно, что Низами тщательно изучил работы Платона, Аристотеля, Сократа, Фалеса и других философов. Тем не менее, социально-политические и правовые взгляды Низами, включая учение об идеальном обществе, отличаются своей оригинальностью. Эти идеи всегда несли новое важное содержание, всегда давали возможность разработать идеи нового, более совершенного содержания и смысла.

Как видно из содержания его работ, до появления его идеи о создании идеального государства, Низами был сторонником монархии. Но он хотел видеть монархическое правительство справедливым и мудрым (26, 66-67). Низами точно описал в Ширин те черты, которые он хотел бы видеть в монархе. Ширин обладает всеми качествами, необходимыми для идеального правителя – уважает права своих подданных, ценит их работу и живет их заботами.

Анализ социально-политической этики зороастризма показывает, что закон должен быть не только справедливым, но также и должен опираться на нравственные ценности. Эта идея, выдвинутая много веков назад, не утратила свою актуальность и по сегодняшний день. В современном законодательстве трудно встретить норму, не опирающуюся на нравственную основу.

Анализ показывает, что в соблюдении законности роль законов, опирающихся одновременно на этические основания, была велика. Требования и указания в древних обычаях, праве обычая, помимо того, что были запретительными, также и привлекали внимание своими гуманистическими чертами. Именно благодаря этому, наряду с наказа-

нием за содеянное опасное преступление, использовались возможность пристыдить человека, высказать ему недовольство. Законы, содержавшие в себе высокую нравственность, оценку человеческих качеств, облегчали следование им, их исполнение. Все это превращалось в привычку, которая впоследствии передавалась из поколения в поколение.

Одной из характерных особенностей появившихся прогрессивных политических и правовых идей, была необходимость справедливых законов. Именно такие характерные особенности являются чертами взглядов Н.Туси на законы и законодательство (32, с.166).

Отношение Туси к происхождению и природе законов далеко от теологии, и такое отношение можно охарактеризовать близостью к теории естественного права. Согласно логике мыслителя, закон не является продуктом какой-либо природной силы, а является результатом борьбы людей на протяжении всей истории. Считаящий акт закона (решение) продуктом мудрости, философ писал: «Законы пишутся на основе решения общества» (26, с.38).

По мнению Туси, закон, в первую очередь, является результатом научной и трудовой деятельности человека. Считаящий закон, как и традиции и моральные нормы, продуктом интеллекта человека, показывал, что закон не относится к абстрактным понятиям, и что "... он относится ко все гражданам страны»(32, с. 38). По его мнению, закон, так же, как и нормы поведения, должен защищаться обществом, и, что он "... не может бытьликвидирован". Потому что и законы должны направлять людей в правильном направлении касательно их поведения и действий.

В рассуждениях Туси о законе проходит четкая мысль, что закон должен прописывать обязательные меры, ограничения и наказания, но также и нормы поведения. Он

объяснял это тем, что если закон написан только в виде инструкций и запретов, то он опирается только на власть имущего. Это не что иное, как внешнее принуждение чистой воды.

Наряду с этим, Туси говорил о существовании двух основных средств, обеспечивающих функционирование и силу закона, и показывал, что для предотвращения дурных поступков важно прописывать в законе плохие последствия, что поможет в уклонении от выполнения опасных и противозаконных действий.

По мнению мыслителя, отсутствие принуждения в контексте свидетельствует о незаконченности закона и его слабости. А значит, такой закон не принесет никакой пользы в работе по восстановлению справедливости. Это приведет к одностороннему рассмотрению дела, что в свою очередь, закончится неправильным вынесением приговора. Поэтому Туси был убежден, что закон должен быть составлен таким образом, чтобы все дела рассматривались со всей полнотой, ясностью и всесторонне, для того, чтобы наказание соответствовало совершенному преступлению. Нарушение этих условий он рассматривал как нарушение справедливости. В таких случаях, мыслитель называл нарушающих справедливость мучителями и, считая баланс и соразмерность мерами социальной справедливости, писал: «... развитие порядка в мире ведет к культурной справедливости в мире, а беспорядка ведет к бескультурью» (32, с.100). Отсутствие в законе аспекта предупреждения мыслитель рассматривал как низкий уровень демократичности и справедливости в законодательной системе, так как по его глубокому убеждению, помимо карательной функции и изоляции преступника от общества, закон также несет воспитательную нагрузку. Он писал: «... при господствующей справедливости, когда создается равновесие, баланс и равенство, общество достигает правосудия, при

переизбытке же наступает отсутствие порядка, хаос, и зло».

По мнению Туси, наказание нужно для того, чтобы сделать человека лучше, и это является карательным аспектом закона. Предупреждение же основывается на морально-этическом воспитании народа, и является мягкой стороной закона. Философ пришел к выводу, что если закон будет принят без учета двух основных аспектов, это приведет к несправедливости, «... в результате возникнут различные противоречивые требования, нерешительность, беспокойство, боль»

Следует отметить, что такие понятия, как "закон" и "политика" неразделимы в учении Туси. Согласно его точке зрения, выражение «политика управления народом» подразумевает различные законы. Значит, законодательная функция государства является политикой. И такая политика, при которой законы управляют народом.

Необходимо подчеркнуть, что мыслители прошлого не могли определить название вышеупомянутым размышлениям, сейчас же они широко используются под термином «правовая политика» или «политика права».

Туси связывал справедливые законы с политикой, проводимой правителями страны, и с личными характеристиками их характера. По его мнению, закон можно считать справедливым, если король по своей натуре справедлив и гуманен. По логике мыслителя, справедливый правитель, "... сначала применит закон к себе, затем к своему близкому окружению, а затем уже к народу. Правосудие не является частью добродетели, все когда-то превратятся в пыль» (32, с. 79). Он сожалел по участи народа, чей правитель не обладал чувством справедливости, и не мог создать честные и демократические законы.

Анализ законов, существующих при феодальном строе, позволили Туси прийти к выводу, что существует

два вида законов: 1) справедливые законы; 2) несправедливые законы (32, с. 109).

Туси, в общем, был сторонником введения справедливых и демократических законов. Это было связано с его этическими взглядами на идеальное общество, а также с его мыслями по поводу социальной справедливости. Таким образом, так как он представлял идеальное общество государственной организацией свободных и равноправных людей, он считал необходимым существование здесь справедливых и демократических законов, и писал: "Необходимо управлять народом со справедливостью, добродетелью и мудростью в соответствии с законами". В противном случае, все пойдет на спад.

Мыслитель не согласен с тем, чтобы законы писались одним человеком (например, королем), а также протестует против чрезмерного количества законов. Туси выступал против количества, и подчеркивал, что главное – это не написание законов, а то, чтобы их понимали и соблюдали.

Характеризуя законы, мыслитель критиковал несправедливость, анархию и тиранию, и призывал руководство страны следить за написанием законов, облегчающих тяжелое положение трудящихся и за их исполнением. Он всегда выступал за написание законов в интересах трудящихся, и утверждал, что несправедливые и недемократические законы создают барьер между государством и народом, и считал это проявлением невежества правительства.

Наряду со всем вышеописанным, Туси призывал современников следовать правилам, и убеждал их, что их долгом является соблюдение обязательств. Туси, который посоветовал общественности соблюдать действующие законы, рассматривал уклонение от выполнения государственных задач как несоблюдение законов и правил на соответствующем уровне. Он писал: "Отворачиваться от

правителя является не чем иным, как нарушением принципов справедливости".

Туси не представлял себе законов в застывшем виде. Он полагал, что законы всегда должны быть обновлены, изменены и улучшены. Мыслитель в связывал эту мысль с прогрессом и развитием общества, и считал, что главная роль в таком важном деле принадлежит именно главе государства. По его мнению, глава государства "... имеет полномочия в соответствии с требованиями времени вносить необходимые изменения в закон". Туси видел важность этой задачи в независимости, суверенитете правителя, а также в его привилегированном положении. По его мнению, "мироправителей являются автономными при создании законов..." (32, с. 197).

Следует отметить, что в концепции закона Туси, основным исполнителем, защитником и надзирателем законов является сам правитель. Он выдвигал роль правителя в применении и реализации закона на первый план, в результате чего исполнение законов становилось приоритетом. Мыслитель писал: "Правитель должен защищать свои законы, и призывать людей к порядку".

Поднимая правителя на уровень человека, ответственного за дела мировой важности, философ показывал, что он должен принимать законы, который служат интересам не только народа, но также и интересам вселенной. Законы человека, призывающего людей к порядку, должны быть справедливыми, демократичными и зрелыми.

По мнению Туси, защита законов является одной из главнейших обязанностей правителя. Для этого у него достаточно власти. Главный вопрос заключается в том, чтобы глава страны не пускал дела страны на самотек. В противном случае, "... закон повернется в обратном направлении". Отсутствие защиты законов со стороны правителя выливается в рост преступлений, уменьшению

благополучия жителей, и, наконец, к гибели страны. Великий мыслитель призывал правителей заниматься просветительской работой, защитой моральных норм, и выступал как сторонник идеи, что человек является политическим субъектом государства, и его надо защищать.

Отношение к законодательной власти, а также сама проблема законодательства занимает важное место в юридических взглядах Туси. Считая человека венцом вселенной, мыслитель задавался вопросом: "как человек, который не общается с другими людьми, может испытывать страдание?». По его мнению, человек, отделившийся от общества, является живым мертвецом. Мыслитель писал: "Если вдуматься, то можно понять, что такие люди похожи на камень, бездушное существо, которому неизвестно, что такое благодать и вежливость. Потому что обладатели благодетели не идут против законов, стараются сохранять традиции и пользоваться ими. И государство помогает им в их благих делах».

По мнению Туси, отсутствие верховенства закона в стране не может говорить о добродетели. Счастье народа заключается в соблюдении сложной социальной структуры закона.

Не критиковавший правовую систему феодального общества напрямую, мыслитель связывал демократичность и справедливость политической структуры с деятельностью глав государств. Он показал, что все законы должны издаваться с точки зрения усовершенствования развития личности и всего общества. Закон должен быть ясным и понятным в той степени, чтобы не создавать путаницы в следовании ему среди населения. Видевший цель издания законов в их безупречном исполнении, мыслитель предполагал, что если закон не сопровождается правильной политикой, он должен быть отменен. Потому, что если закон не писан с целью защиты нравственности, он не сможет

оправдать себя.

Туси пытался объяснить, что люди, народ, не должны опасаться закона, а уважать его. Оценивая этот как мудрость закона, мыслитель писал: "Мудрость в государстве должна быть в порядке". Говоря о "законе мудрости" или "мудрости законов", он имел в виду, что закон охватывал моральные нормы общества и предусматривал подлинность связанного с силой моральных норм.

Великий мыслитель выступал за единый законодательный сборник (с точки зрения действующих законов, охватывающих все сферы общественной жизни и законов общественной жизни). Отмечавший необходимость регулирования различных сфер деятельности соответствующими актами, мыслитель связывал это с развитием и усовершенствованием государственного управления.

Туси также предполагал, что одного законодательства не хватит на несколько поколений людей. Он предлагал обогащение содержания законов в соответствии с растущим уровнем развития человека. По мнению мыслителя, каждое новое поколение должно было быть обеспечено законом в соответствии с его стилем жизни и политическо-экономическим развитием. Он не исключал возможности использовать исторический опыт.

По мнению Туси, порядок, защита и укрепление стабильности в стране зависят от силы законов. Сила законов зависит от их моральных корней и принципов, а также от уровня их соблюдения.

В силу того, что Туси считал социальную справедливость сопровождающей, он рассматривал ее также одним из ключевых факторов органических законов. Мыслитель писал: "... нет другой такой добродетели как справедливость". По замыслу мыслителя, справедливость находится в центре истины, в центре всего сущего, поэтому законы должны составляться, исходя из нее, в

первую очередь. Он писал: "Установление партнерства во всем и недопущение нарушений возможно только в результате равенства, которым является голос совести". Любой переизбыток в обществе является результатом отсутствия контроля, и является убийцей живых существ, баланс же является центром единства. Считающий справедливость самой высокой добродетелью, Туси писал: «... все будет развиваться на основе принципов справедливости по направлению к совершенству". По мнению мыслителя, природа затем даровала людям справедливость, чтобы они применяли ее в своей повседневной жизни, а государство следовало ей в своих законах.

Туси рассматривал неспособность надлежащим образом осуществлять закон со стороны представителей общественности актом несправедливости против правительства и короля, и считал, что законопослушные граждане должны считать соблюдение закона своим долгом. Он считал факт составления и применения законов актом добродетели со стороны государства и был убежден, что жители должны оплатить этот долг соблюдением всех законов. По замыслу мыслителя, доверие со стороны государства состоит не в том, что "... не выполнив свой долг, мы лишим правила справедливости». В действительности в данном контексте Туси повествует о моральном долге населения и оценивает составление справедливых законов как акт доверия со стороны государства.

Одной из интересных мыслей Туси насчет закона и законности является то, что он считал необходимым глубоко изучать закон, а также тщательно расследовать причины преступлений. Мыслитель писал: "Вы должны знать законы, чтобы понимать, что может стать причиной их нарушения". В общем, Туси считал правоведов, которые хорошо знали законы, понимали природу их содержания и могли дать качественную интерпретацию,

добродетельными личностями. Он ставил таких правоведов, которые были способны интерпретировать законы научной точки зрения, в пример другим правоведам (в первую очередь, тем, кто применял и приводил законы в исполнение).

Одной из примечательных особенностей правовой доктрины великого мыслителя являлся обзор юридических институтов, существующих в средневековом Азербайджане.

Туси уделил большое внимание обзору ряда юридических институтов гражданского права, например, о защите чести и достоинства, сделках, долгах, недвижимости, аренде, повреждении имущества и так далее. Говоря о жилье, философ называл его искусством и писал, что это право "на благо всех людей, облегчающий хозяйство, и является наукой, защищающей интересы людей". Следует отметить, что Туси не отделял право на жилье от семейного права (говоря словами автора, от искусства домохозяйства и быта). Примечательной особенностью определения семейного права мыслителя было то, что брак должен быть принят всеми. Создать семью является обязательным для всех. Он писал: "Все слои населения, будь то шах, или простолюдин, ученый, или невежа, все они обязуются создать семью. У этой науки много пользы и она является обязательной для всех" (32, с. 146). Туси осуждал преступления и людей, их совершающих, он считал, что преступление лишает людей жизни, нарушает порядок в обществе, а преступников считал людьми злыми по натуре. По мнению мыслителя, преступление является самым большим позором, нарушающим спокойную и комфортную жизнь, самым опасным бесчестьем.

Центральной линией идей о справедливости у Насиреддина Туси является, прежде всего, защита прав и инте-

ресов личности, естественных прав, а также соблюдение законности в судебной деятельности.

Туси рекомендовал в феодальной практике суда справедливости исходить из гуманизма, справедливости и умеренности, действовать, исходя из требований закона, а также быть справедливым в отношении судьбы жителей страны, заботиться об их будущем, быть к нему внимательным.

Мыслитель считал защиту человеческого достоинства основной задачей государственных служащих, приглашал быть объективным вне зависимости от того, какую должность или чин лицо имеет.

Первые высказывания о судебном расследовании в истории социально-политической и правовой мысли Азербайджана принадлежат именно Туси, в его социально-политических взглядах четко просматриваются мысли по этому поводу. В своих высказываниях о следственном процессе он создал своеобразную картину того, как это важное государственное дело реализовывалось в средневековье (85, с. 151). Мыслитель проповедовал мысль о том, что следует соблюдать истинность при проведении следствия, не оказывая на обвиняемых давления, различных методов насилия. Негуманный подход в этом деле свидетельствует о том, что система правосудия слабая и дефективная.

В целом, в философско-правовой концепции Туси есть такое знаменитое высказывание: «лечить недостатки следует их же противоречиями» (85, с. 121). Следовательно, неправомерные поступки, в том числе преступное деяние, могут быть преодолены лишь наказанием. Мыслитель оценивал преступление как нарушение умеренности (в смысле правовой нормы). Суд же, в его представлении, есть орган и средство (профессиональное учреждение), которые восстанавливают эту умеренность (т.е. нарушенный

закон, правовую норму). В соответствии с философией права Туси, изменения в количестве и качестве означают или удаление, или приближение к умеренности. Согласно логике мыслителя, превышение полномочий при исполнении законов, или неполное их исполнение также означает нарушение правопорядка. Подобные нарушения могут преодолеваться при помощи судов, и именно поэтому наказание есть необходимость. Вместе с тем наказание должно быть справедливым, если признательные показания получены при помощи пыток, то это не означает, что преступление было совершено в этой мере.

Тот, кто не умеет вынести справедливого решения, обвиняет невинных людей в совершении преступного деяния по причине своей невежественности и неумения, должен нести за эти поступки заслуженное наказание. В отношении подобных чиновников следует быть беспощадными, подчеркивал мыслитель, отмечая, что в отношении лица, несправедливо обвиненного в совершении уголовного деяния «следует думать о том, это есть начало цепи плохих поступков, а не добронравия». Туси характеризует здесь лиц, которые занимаются судебным исполнением в отношении несправедливо засуженных лиц. Речь идет о том, что служебные лица, в характере которых уже есть недоброжелательность, не могут быть уже милосердными, справедливыми, честными; подобных лиц считать милосердными или добродетельными уже не приходится.

Великий мыслитель так характеризовал грубость и жестокость, которую проявляли чиновники в отношении обвиняемых: «те, которыми правит ярость или гнев, без конца приносят людям страдания и мучения, им не прощают ничего, не верят ни в какие доказательства или доводы, даже по самым ничтожным поводам в ход идут язык и кулаки, их ругают и избивают, приносят им столько страданий, что им приходится признаваться даже в несодержанном,

начинают клеветать на себя, лишь бы избавиться от ярости и гнева, злобы тех, кто это на них изливает, они согласны признаться в том, о чем им неизвестно, причем с излишком. Несмотря на это, тот, кто гневен, еще больше приходит в ярость, ругает, на чем свет стоит, бьет, чем попадая, оскорбляя и производя невыносимые пытки. Короче говоря, это не честь и достоинство, это следует считать грубостью, жестокостью и бесчестием». Выражение Туси «хозяин жестокости» имеет отношение к тому, кто ведет следствие или же реализует суд справедливости. Это может быть и тем лицом из чиновников, кого определили для выполнения подобных работ. Однако, следует также отметить, что мыслитель характеризует жестокость и грубость как личные качества того, кто реализует этот суд справедливости в жизнь. Согласно мнению Туси, «гнев порожден темпераментом и страстями личности и чувством мести». Гнев есть одно из самых тяжелых болезненных проявлений личности, об этом Туси пишет, что «по мере того, как гнев растет, воспаляется ярость, разум уходит из сознания, осознанность действий слабеет. Для тушения такого пламени ничего не подходит, наоборот, огонь еще больше воспаляется, сознание кипит, поучения или нравоучения делают все хуже, хитрость же воспламенит гнев еще больше». Именно поэтому Туси требует от сотрудников правоохранительных органов быть далеким от ярости и гнева, критикуя тех своих современников, которые характеризуют проявление гнева как смелость или отвагу: «нельзя считать наличие ярости как проявление большой мужественности, раздув ее до уровня смелости, ведь фактически гнев является проявлением несправедливости, нарушением умеренности в крайней степени».

Туси был против осуждения человека лишь за предположение о его виновности. Согласно мыслителю, человек «должен осознать понятия того, что могло быть, а могло

бы и не быть», не должен воспринимать то, что лишь предполагается, за свершившийся факт. Такими вещами могут заниматься люди, которые не боятся позора или наказания и по природе своей невежественны. Мыслитель, придававший больше значение очищению общества от преступных элементов, писал, что необходимо строго карать тех, кто повторно совершил преступление. Он подчеркивал, что мелкие проступки, которые вовремя не пресекаются, потом могут повлечь за собой еще большие преступления. Об этом он писал следующее: «если после принесенного обещания человек вновь повторяет тот же проступок, царь должен провозгласить через своих глашатаев, что следует совершить правосудие. Если это лицо не устыдилось своих предыдущих проступков, не признается в своем преступлении и вине, следовательно, не стоит надеяться, что преступление вновь не будет совершено. Явные проступки, которых уже нельзя стерпеть, совершенные преступления вынуждают вновь наказать это лицо, причем как можно быстрее, чтобы другим было неповадно» (32, с. 179). Туси, являясь большим гуманистом, защищает необходимость вынесения справедливых и законных приговоров. Мыслитель считает, что судья, выносящий постановление, не должен оскорблять или унижать личность виновного, его честь и достоинство. Это есть «достоинство приговора», считает Туси. Такая позиция свидетельствует о том, что Туси является истинным защитником человеческих прав и свобод. Согласно его идеям, если виновный и будет осужден, то в это время ощущение победы истины, справедливости не должно смешиваться с горечью разочарования. Ведь осужденный живой человек, творение природы, его венец. Основная идея и суть философии права Туси состоит именно в этом. Речь об уважении прав человека может идти там, где права реализуются на практике и в то же время они защищаются законом.

Мыслитель рекомендовал не относиться равнодушно к людям, к которым применяется наказание, настоятельно требуя, чтобы «ворота помилования никогда не были закрыты». Согласно логике рассуждения Туси, прощение (помилование) применяется в том случае, если «в душе человека он способен принять наказание за зло, и поощрение за содеянное добро». Данное высказывание мыслителя является очень поучительным и необходимым для тех, кто служит справедливости, чтобы не забывали о том, что человек есть самое высшее и почитаемое существо, которое существует на свете.

Идеи Туси о справедливости, возникшие еще в средневековье, стали для его последователей, мыслителей последующих эпох источником новых идей.

ГЛАВА II ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ

§2.1. Некоторые проблемы взаимодействия моральных ценностей и прав человека

В последнее время этика стала всё больше и больше вмешиваться в жизненные проблемы, пытаясь решать их в соответствии с нормами морали. Это и стало причиной появления нового направления в науке - биоэтики. Биоэтика, как наука, сформировалась на основе достижений философии, медицины, этики и биологии в 60-70 годах XX столетия в США и Западной Европе. Термин «биоэтика» представляет собой весьма многозначное понятие. В понятии «биоэтика» соединяется слово «био» (жизнь) и «этика». Этика это философская наука о морали. Биоэтика приходит на смену медицинской «деонтологии» совокупностью правил, которое регулируют поведение людей. Считается, что впервые этот термин употребил в 1927 году немецкий пастор Фритц Яр (1885-1953 гг.), предлагая свой биоэтический императив, который, в отличие от Канта, требовал уважительного отношения не только к человеку, но и животным и растениям.

Биоэтика – новая междисциплинарная область знания, возникшая в 1970-х гг. и с новыми направлениями. Как сегодня общепризнано, биоэтика имела несколько источников своего зарождения – это и развитие высоких медицинских технологий, и тенденции глобализации этики (распространения феномена этики на всё живое, сближение понятий этоса и биоса), и новая медико-биологическая практика, возникшая после Второй мировой войны, и усиление интегративных тенденций развития современного научного знания...

Основатель биоэтики американской онколог Ван Ренселлер Поттер рассматривал эту дисциплину как область интеграции между наукой и системой человеческих ценностей, естественным и гуманитарным знанием, как систему знания и практики, регулирующую вмешательство в любую жизнь в пределах биосферы. Так была задана глобальная составляющая биоэтического знания (63, с. 55).

Гуманитарное знание, отображая коренные вопросы человеческой жизнедеятельности, всегда держало в фокусе своего внимания этическую и правовую проблематику. Предметом острых дискуссий была сфера нормативной регуляции общественных отношений. В совокупность общественных отношений кроме этики, не исчерпывающей в достаточной мере всех норм, действующих в обществе, входят также правовые нормы, организационные правила, обычаи и т.п.

Нормами в этике и правоведении могут являться стандарты, предписания, образцы поведения. Существенным обстоятельством представляется схожесть понятий этика и право в том, что оба имеют двойное назначение – как наука и как совокупность норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе.

В качестве научных дисциплин этика и право вобрали в себя вопросы формирования социальных норм и стандартов поведения, соответствующих природе общественных отношений и сущности исторически сложившейся социальной системы. Безусловно, данный вопрос является дискуссионным по самой своей природе, не имея однозначного решения для всего общества в целом. Именно поэтому этическая и правовая проблематика всегда были предметом дискуссий в гуманитарном знании. Вмешательство достижений научно-технического прогресса и современных биомедицинских технологий в жизнедеятельность человека и биосферу еще более актуализировали биоэти-

ческие проблемы и потребность в их правовой регуляции.

Институциональная регуляция обеспечивается авторитетом государства, а источники и основание требования к поведению субъектов правоотношений имеют императивный характер. В данном контексте следует еще раз подчеркнуть, что в праве функции регуляции отделены от самой практики исполнения нормы, вынесены в особую сферу деятельности специальных учреждений и лиц. Поэтому для правовых норм характерно то, что они существуют как бы самостоятельно от массового поведения, поскольку воспроизводятся не только им самим непосредственно, а еще и действием соответствующих государственных органов, учреждений и другими инстанциями (42, с. 19).

Методологически важным является положение о том, что отличием этических норм от правовых является отсутствие строгого разграничения на субъект и объект регулирования, поскольку общность, вырабатывающая и санкционирующая норму, обычно является той общностью, которая эту норму исполняет. То обстоятельство, что субъектом этической нормативной системы является все общество, делает ее критериальной основой институциональных нормативных систем. Так, этическая концепция нормативного регулирования может выступать в качестве источника формирования права, в том числе и в медицинской сфере, когда те или иные правовые принципы формируются в ней. В этом смысле юридическая доктрина основана на этической концепции, то есть, на системе моральных предписаний, обоснованных соответствующими мировоззренческими установками и ценностями, исходящими из соответствующих постулатов соотношения природного и духовного начал в человеке.

Проблема нормативно-правовой регуляции биомедицинской сферы возникает в связи с применением новых медицинских технологий, касающихся трансплантации че-

ловеческих органов, вмешательства в геном человека, соматических прав и т.п., которые в последнее столетие прогресса медицины поставили человечество в ситуацию правовой неопределенности. В формате традиционной проблематики остаются также эвтаназия, репродуктивные технологии, установление момента смерти – биоэтические направления, которые, несмотря на свое древнее происхождение, продолжают представлять собой не менее актуальную тему, поскольку пока еще не нашли своей общезначимой этической и правовой интерпретации.

Обращаясь к идеологеме ценности прав человека на жизнь и здоровье в контексте биоэтики, к анализу ценностного и юридического содержания прав и свобод, а также к генезису данной юридической доктрины в условиях концептуального плюрализма этических доктрин, существующих в различных культурных ареалах мира, констатируем, что права человека не обнуляют социально-природные и интеллектуально-духовные свойства человека, а превращают их в статуарный инкубатор факторов, обеспечивающих устойчивое развитие цивилизаций. Теоретико-правовые подходы к пониманию и концептуализации прав человека должны формироваться исходя из этой парадигмы.

По мере эволюции теории прав человека в саму теорию привносились самые передовые, наиболее признаваемые гуманистические идеи представителей различных научных школ и направлений. Научные, социальные, этические, правовые реалии современной биомедицины становятся все более взаимозависимы. Соотношение биомедицинской этики и права длительное время было и продолжает оставаться комплексной неоднозначной проблемой регуляции общественных отношений в области биоэтики. Нормативно-правовое регулирование включает множество аспектов, сопряженных с юридическими инстру-

ментами реализации и защиты прав и свобод человека.

Законодательство в области охраны здоровья граждан относится к отрасли охранительного права. Социальный порядок в обществе обеспечивается нормативными актами правом вкупе с моралью, однако эта цель достигается ими различно. Связь людей в правовых отношениях выражается через субъективные права и юридические обязанности; в свою очередь, моральные имплементы коммуницируют посредством сострадания, взаимопомощи, солидарности, милосердия. Очевидно, и вполне объяснимо, что основные векторы действия в области биоэтики формируются на основе морали. Однако мораль от права отличается тем, что она сложно поддается типизации, формализации, институционализации и не несет характерной определенности. Общественное сознание более устойчиво к восприятию моральных оценок, нежели нормативно-правовых. Биоэтика и ее направления традиционно более подвержены этико-нравственным суждениям, нежели юридическим установлениям, поскольку в обществе все еще преобладает правовой нигилизм. Традиции в медицине и деонтологии формировались тысячелетиями, тогда как право в области здоровья человека реализуется лишь в последние века. Этот фактор является предпочтительно решающим в формировании мировоззрения общества в пользу морали (81, с. 15).

Главной темой практической биоэтики является взаимодействие морали и права. Каждая эпоха имеет свои особенности общественного мировоззрения. Современное общество – это развивающаяся система, подверженная усиленному влиянию достижений научно-технического прогресса во всех сферах жизнедеятельности.

Начиная со второй половины прошлого века, общества динамично развиваются в направлении потребления природных ресурсов, максимальной мобилизации человече-

ских телесных и генетических резервов. Происходит масштабная общественно-культурная и морально-этическая трансформация, приводящая к замене одних ценностей и норм другими. Динамично развивающийся процесс технологических преобразований всех сфер жизни общества требует обозначить пути достижения общественно полезного правового порядка и сохранения естественной целостности биосферы и самого человека. Этика на современном этапе стала индивидуально ориентированной на каждого человека, и в связи с этим подверженной стремительным коренным изменениям в обществе и смене мировоззренческих установок в сфере биоэтических противоречий.

С одной стороны, развитие науки и техники обеспечивает повышение уровня жизни и здоровья, но с другой стороны, достижения биомедицины и других наук о человеке привели социум к качественно иному состоянию. Современные биомедицинские технологии и перспективы их развития самым непосредственным образом связаны с важнейшими социальными и морально-правовыми аспектами (18, с. 5). Человек освоил понятие *соматических прав*, которые обрели неоднозначное толкование в зависимости от контекста их использования. Сегодня они называются правами нового поколения. Научные исследования предоставили человеку возможность решать жить или не жить близким ему людям (эвтаназия, аборт, эмбрион), производить селекцию в вопросах репродукции, дискриминировать по различным признакам (болезни, сексуальная ориентация), вмешиваться в телесность человека и генетику, делить гены на «плохие» и «хорошие» и выводить «идеальных людей».

Сегодня разрабатываются новые биотехнологии, открывающие перед людьми новые перспективы в решении проблем излечимости болезней, продления жизни челове-

ка, решении социальных проблем. Клонирование, генная инженерия, репродуктивные технологии, клеточные технологии и другие современные технологии глобально изменили медицину и тем самым инициировали процесс разработки международными организациями определенных стандартов, которые послужили началом формирования международного биомедицинского права. Характерной особенностью международно-правовых норм, регламентирующих биомедицинские отношения, является интегрированность в них принципов биоэтики (28).

Темпы экономических, общественно-политических, культурно-духовных преобразований в мире требуют инновационного теоретического анализа механизмов морально-правового взаимодействия. Известно, что мораль и право есть взаимодополняющие друг друга явления. Обладающая более догматичными устоями по сравнению с правом, мораль зачастую не поддается формализации связанных с ней проблем. Согласно исследованиям Н.Калясиной, от эффективного взаимодействия этих общественных регуляторов в значительной мере зависит состояние законности и правопорядка, уровень правосознания и моральности общества, тем более, при разрешении неоднозначных проблем биоэтического характера. В условиях значительного влияния достижений научно-технического прогресса на качество жизни человека исследование проблем взаимодействия морали и права в формате этической науки является приоритетным, так как только адекватное осознание изменений, происходящих в жизни современного общества, позволит обеспечить межпоколенческую сохранность генофонда и биосферы в целом. Для своего совершенствования национальная правовая система должна быть выстроена таким образом, чтобы она была востребована и адекватно воспринята современным обществом в четком взаимодействии морали, этики и права, а также условий

обеспечения наивысшего уровня качества жизни посредством инновационных достижений (44, с. 32).

Реформы, осуществляемые в современной Азербайджанской Республике в области науки и культуры, призваны содействовать развитию в стране биоэтики. На государственном уровне принимаются действенные меры для формирования экологической этики, являющейся одной из неотъемлемых составных частей биоэтики и одной из основных её направлений. Научные исследования в законодательной области биоэтики позволят «канализировать» в правовое русло многочисленные аргументы, последствия, причины, факты, события, происходящие в жизненном пространстве человека, и придать узаконенную и универсальную однозначность сложным прагматическим ситуациям в соответствии с этическими ценностями.

Обзор национальных законодательств на предмет приоритетности исторически сложившихся или инновационных деонтологических отношений показывает, что во многих странах основной вектор направлен на сохранение патернализма. Например, в Турции, сделавшей свой политический выбор в пользу евроцентризма и сформировавшей свое здравоохранительное законодательство в соответствии с европейскими ценностями, тем не менее, турецкое медицинское профессиональное сообщество обратилось к своему правительству с претензиями о несоответствии новопринятых законов национальным духовно-культурным ценностям (12).

Деонтологическая модель и принцип соблюдения долга составляют основу современной медицинской этики, то есть соответствие поведения врача установленным этическим нормативам. Соблюдение долга – основной принцип в деонтологической модели. Исходя из этого, идея долга является определяющим, необходимым и достаточным основанием действий врача.

С появлением новых биоэтических парадигм, с усилением внимания к правам человека, с открывшимися возможностями управления процессами патологии, зачатия и умирания, с достаточно проблематичными как физиологическими, так и нравственными последствиями для человеческой популяции в целом, актуализируется потребность в формировании новых общественных социально-политических моделей с либерально-демократическими ценностями и радикальными реформами, в том числе, в системе здравоохранения.

Тенденция к всеохватывающему законодательному регулированию отношений между пациентом и медицинским работником соответствует законодательным целям правовых государств, в которых главным принципом в регулировании человеческих отношений провозглашается закон. Охранительное право, защита прав и свобод личности в правовом государстве признаются как важнейшие ценности. Типичным образцом охранительного права является законодательство об охране здоровья граждан. Законы самым явным образом регламентируют взаимоотношения граждан-пациентов, с одной стороны, и медицинских работников и учреждений – с другой.

Какими бы идеальными ни были принципы морали и этики, они не должны и не могут быть приоритетнее закона. Императивная (законная) доминанта, поддерживаемая государственными ресурсами, не размывая исторически мотивированных культурных/религиозных идеологием, не разрушая и не модифицируя «архитектуру» традиционных ценностей, становится скрепой, обеспечивающей единство политики, культуры, духовности общества, своеобразным катализатором/маркером «капитализации» общественных потребностей в повышении качества жизни и здоровья в совокупности с требованиями закона. Государства посредством разработки и реализации концепций,

здравоохранительных доктрин, законодательств с полномасштабным и всесторонним охватом нормативными актами зоны общественных потребностей в разрешении биоэтических проблем, конструируют стабильно гарантируемые модели типа «человек не адаптирует среду к себе, а сам адаптируется к среде».

Современное мировое сообщество подвержено актуальным общецивилизационным преобразованиям. В условиях научно-технического прогресса следует говорить не только о качественно новом этапе вмешательства инновационных технологий и биомедицинской техники в саму жизнь, но и их взаимодействии с обществом с позиции этики, морали и закона.

В Основном законе Азербайджанской Республики нашли свое отражение принципы приоритета отдельной личности, принадлежности человеку неприкосновенных, незыблемых и неотъемлемых прав и свобод (ст.24), равенства прав и свобод (ст.25) и их защиты (ст.26), право человека на жизнь (ст.27), безопасное проживание (ст.31), охрану здоровья (ст.41), право на жизнь в здоровой окружающей среде (ст.39), на защиту чести и достоинства (ст.46), в том числе запрет на «проведение медицинских, научных и других опытов» без согласия испытуемого, право на обращение (ст.57) (50).

Статья 41 «Право на охрану здоровья» конституционно закрепляет право каждого «на охрану здоровья и получение медицинской помощи» (п.І), обязывает государство принимать «необходимые меры для развития всех видов здравоохранения, действующего на основе различных видов собственности, гарантировать санитарно-эпидемиологическое благополучие, создавать возможности для различных форм медицинского страхования» (п.ІІ), привлекать к ответственности на основе закона «должностных лиц, скрывающих факты и случаи, которые со-

здают опасность для жизни и здоровья людей» (п. III) (50).

Конституционные положения в области прав человека на жизнь, здоровье, безопасность, личную неприкосновенность и соблюдение личной тайны (автономии) определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, обеспечиваемую правосудием.

Формирование законодательной базы Азербайджанской Республики реализуется в соответствии с международными документами, провозглашающими общечеловеческие ценности. Во Всеобщей декларации прав человека (ст. 25) закреплено положение: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая питание, одежду, жилище, медицинский уход и требуемое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благополучия его самого и его семьи» (4, с. 295).

Статья 3 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека (2005 г.) рекомендует присоединившимся к ней странам-участницам использовать в своей законотворческой деятельности положения «Должно обеспечиваться полное уважение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод» (п. 1) и «Интересы и благосостояние отдельного человека должны главенствовать над интересами собственно науки или общества» (п. 2) (4, с. 295).

Указанные международно-правовые документы, равно как и многие другие из области нормативно-правового регулирования биоэтических проблем, учитываются в процессе нормотворческой деятельности и формирования законодательной базы Азербайджанской Республики в сфере, требующей особой нормативной защиты, – обеспечения прав пациента и безопасности жизни человека в окружающей среде, испытывающей мощное техногенное воздействие.

§2.2. Этические и правовые проблемы эвтаназии и танатологии

Человек, являясь биологическим существом и одновременно обладая социально-правовым статусом, закономерно находится в центре всех общественно-политических процессов, происходящих в глобализирующемся мире. Вместе с тем, будучи членом многомиллиардного сообщества, часто остается один на один с такими важными вопросами, как, например, сохранение жизни или добровольный уход из нее. Современное общество, не имея необходимых критериев для оценки подобной проблемы, признает неоднозначность и первостепенность данного вопроса, как и многих других проблем от биоэтики. Право на смерть – этот вопрос волнует как сторонников эвтаназии, так и ее противников.

Термин *эвтаназия* впервые был употреблен английским философом Ф.Бэконом в XVI в. в труде «О достоинстве и приумножении наук» (73, с. 91). Смысл этого понятия и практика применения эвтаназии достаточно широки – прерывание человеческой жизни, предоставление возможности умереть, ускорение смерти, умышленное умерщвление, отказ от лечения и использования жизнеподдерживающей аппаратуры, действия и средства по осуществлению эвтаназии.

Медицинское сообщество, правоведы, философы ввели в научный оборот понятие «право на смерть». Определенная часть правового сообщества придерживается логической связки права на жизнь, гарантированного каждому человеку Конституцией, с возможностью распоряжаться своей жизнью по личному усмотрению. В связи с этим, вокруг эвтаназии и ее легализации в современном обществе идут острые морально-правовые дискуссии, главным вопросом которой является – можно ли прерывание челове-

ческой жизни узаконить юридически.

Современные медицинские и биологические технологии способны поддерживать жизнь смертельно больного человека сколь угодно долго. С этической точки зрения разница между действием и бездействием не всегда бывает явной и очевидной.

Эвтаназия, как социально-правовое явление, имеет глубокие исторические корни. Исследования показывают, что в древний период человеческое общество не считало жизнь наивысшей ценностью. Политико-правовые учения Древнего мира (Платон, Аристотель, Сократ и др.) содержали рассуждения о том, что в определенных случаях эвтаназия является благом и неизбежностью. Так, стоики Сократ и Платон считали, что если страдания становятся нестерпимыми и унижительными, у человека всегда есть выход – добровольно самостоятельно или с помощью других уйти из жизни. Слабые, больные и старые люди в силу тяжелых условий выживания были просто не нужны, и поэтому их нередко лишали жизни. Как правило, древние культуры обуславливали отношение к эвтаназии как к акту, не приносящему морального вреда обществу.

В качестве одного из примеров можно привести научные исследования, проведенные в Сардинии в 1983-1986 и 2001-2002 гг., в процессе которых была обнаружена древняя устная традиция, повествовавшая об институте *sa accabadora* (от испанского – *acabar* «кончать», «убивать»), существовавшего вплоть до конца XVIII в. Согласно этой традиции существовала специальная когорта людей, к услугам которых прибегали, когда дело касалось неизлечимо или мучительно больных «пациентов», желающих прекратить свои страдания.

В Японии также существовала древняя традиция, согласно которой сыновья отвозили своих престарелых родителей умирать в специально отведенное для этого без-

людное место (в горы) и оставляли их без помощи. Особенно остро стояла проблема эвтаназии в отношении младенцев, родившихся с патологиями; как правило, от них избавлялись. В определенном смысле это было оправдано тяжелыми условиями выживания человека.

В средние века в условиях господства религиозного мировоззрения сформировалось резко негативное, если не сказать нетерпимое отношение к эвтаназии (сочинения св.Августина, Ф.Аквинского и др.). Они считали, что «переход от сей жизни к лучшей не во власти человеческого произвола, а во власти Божьей, не дозволено человеку убивать себя, дабы попасть в лучший мир» (11, с. 596). Гораздо позже, уже в период нового и новейшего времени, оно сменилось более лояльным мнением.

Новая аргументация, новое представление о природе человека, дистанцирование от религиозных догматов, утверждение идей о принадлежности жизни человека ему самому – все это привело к формализации проблемы эвтаназии как инструмента, обеспечивающего такое же естественное право на смерть, как и на жизнь (М.Монтень, Т.Гоббс, А.Шопенгауэр, позже А.Камю, К.Ясперс). Неограниченная свобода человека, нивелирование любого рода запретов вкупе с ускоренным совершенствованием биомедицинских технологий вызвали к жизни и возродили теории об эвтаназии.

Вместе с тем, история знает гораздо больше истинно гуманных фактов в отношении безнадежно больных и страдающих людей, задумывающихся об эвтаназии. С улучшением качества жизни, с реализацией эффективных социально-экономических преобразований развиваются идеи гуманизма. Современное отношение к эвтаназии строится под влиянием двух факторов: (1) возможность поддерживать жизнь неизлечимо больного человека сколь угодно долго с помощью медицинских технологий и

(2) приоритетность прав человека.

Медицина всегда ассоциировалась с высшими общечеловеческими ценностями – гуманизмом, добротой, состраданием. Больные люди, утратив эмпирическую связь с жизнью, страдают и желают собственной смерти, видя в ней единственный выход для себя. Сегодня в обществе, которое явление эвтаназии разделило на два непримиримых лагеря, проводятся дискуссии и дебаты по вопросу ее легализации, правовых и этических аспектов.

Решение добровольно уйти из жизни – это сугубо личная проблема, и она никогда не будет решена однозначно в пользу какого-либо мнения, в основе своей непримиримого и антагонистического по отношению к другим мнениям.

Имея в виду подавляюще негативное отношение к этому явлению (эвтаназия разрешена законом только в двух странах – Нидерланды, Бельгия – и американских штатах Орегон и Калифорния), большая часть человечества, вместе с тем, считает, что человек – высшая ценность мира и каждый индивид важен для общества.

Являясь одним из самых трудноразрешимых вопросов для общественного осознания, эвтаназия остается сложной категорией и в правовом аспекте. Все более очевидным становится кардинальное, в целом негативное, изменение сферы последствий технологического и технического вмешательства в естественность бытия, в связи с чем наступил момент выработки новых действий.

В современных политико-правовых условиях, сформировавших тенденцию приоритетности прав человека, любое государство, претендующее на статус правового и уделяющее большое внимание соблюдению законных прав и интересов каждого человека, обязано обеспечивать защиту основного права – на жизнь. В этом смысле эффективная борьба против добровольной смерти в различных ее проявлениях должна являться одним из важнейших направле-

ний деятельности общества и государства.

При обсуждении вопросов, связанных с эвтаназией, часто высказывается утверждение, что это явление типично для западной культуры, характерными чертами которой являются демократичность общества, высокотехнологичная и экономически благополучная медицина. Как мы отмечали выше, эвтаназия узаконена в Швейцарии, Голландии, Бельгии и штате Орегон США. В некоторых странах приняты законы по так называемой пассивной эвтаназии, когда неизлечимо больным людям разрешается отказываться от дальнейшей терапии (Франция, ряд американских штатов). Сегодня даже ставится вопрос о легализации детской эвтаназии.

В 2005 году Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) выразила свое негативное отношение к легализации эвтаназии в ряде стран. Ассамблея отметила, что в качестве альтернативы эвтаназии необходимо развивать медицину, облегчающую страдания больных, и паллиативную службу (12).

Однако напрямую в нормах международного права вопрос об эвтаназии остается неурегулированным. На сегодня одной из основных остается Декларация об эвтаназии, принятая Всемирной медицинской ассамблеей в 1987 года, она гласит: «Эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких, не этична. Это не исключает необходимости уважительного отношения врача к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания» (13).

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики содержит ряд положений, имеющих непосредственное отношение к биоэтическим нормам. К примеру, в Азербайджане законодательно закреплен запрет на добровольный

уход из жизни согласно ст.38 Закона «Об охране здоровья населения» 1997 года. За эвтаназию и преднамеренное побуждение к ней предусмотрено уголовное наказание (ст.135 УК АР) (96).

Прекращение лечения неизлечимо или смертельно больного пациента по его требованию не означает эвтаназии – в силу прежде всего того, что речь идет о тех случаях, когда продолжение лечения пациента не только основано на концепте вторичности индивидуального самочувствия пациента по отношению к цели реализации медицинских манипуляций, но и более того - причиняет существенные страдания пациенту без реальных шансов продлить ему жизнь и излечить, то есть когда медицинские манипуляции уже осуществляются исключительно только ради собственно этих самых медицинских манипуляций (пример – крайне болезненные процедуры лучевой терапии больных с тяжелыми инкурабельными формами онкологических заболеваний). Иначе говоря, речь идет о ситуациях, когда проведение терапии является уже несообразным и непропорциональным состоянию больного.

Что же касается ситуаций, когда пациент мог бы, по сути дела, в обеспечении себе искомой им эвтаназии отказаться от жизненно важных методов лечения, чтобы тем самым себе ее произвести как бы руками врачей, то в системе паллиативной медицинской помощи на этот счет тоже имеются вполне определенные установки. Возможно, чисто теоретически подобрать случаи, когда отказ больного от лечения в самые сжатые сроки приведет его к смерти, то есть субъективно может быть заявлено о некоей схожести такого паллиативного лечения к квазиэвтаназийным формам или схожести паллиативной помощи и эвтаназии в таких случаях. Но это будет мнимая схожесть, поскольку больной в этих обстоятельствах вручает свою судьбу в руки Господа Бога (в представлении неверующих – есте-

ственному течению событий), но убийства этого больного руками врачей и (или) его самоубийства не происходит.

С теоретической точки зрения понятие «эвтаназия» отличается от деяний, инспирирующих суицид, и преднамеренного убийства. К примеру, введение врачом инъекционным или другими способами смертельного токсина в организм больного – это эвтаназия, принятие этого токсина со стороны самого больного – помощь в суициде, целенаправленное ускорение врачом смерти тяжелобольного пациента, который не обращался с просьбой осуществить эвтаназию, обосновываемое соображениями безнадежности его состояния, избавления его от страданий или проведение аналогического медицинского вмешательства из милосердия – характеризуется как убийство или преднамеренное убийство.

В процессе исторического развития, понятие «эвтаназия» подверглось трансформациям. Так, в современном понимании явление, носящее название «эвтаназия», которое в классическом смысле означает легкая смерть, характеризуется как медицинская процедура. Также стоит отметить, что отношение к эвтаназии, которое первоначально отвергалось как с медицинской, так и с юридической точек зрения, постепенно стало более лояльным, а на сегодняшний день в некоторых странах оно даже легализовано. К примеру, в таких развитых странах, как Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Швейцария, Австралия и др. эвтаназия была узаконена или декриминализована. В частности, в 1997 году в Нидерландах был принят Закон об эвтаназии.

Процедура оказания медицинской помощи в осуществлении самоубийства больным, страдающим от неизлечимой болезни, была узаконена в таких странах, как Германия, Колумбия, Швеция, а также в некоторых штатах США. Существует также ряд стран, в которых ведутся интенсивные обсуждения и уже предприняты первые шаги в

направлении легализации и декриминализации эвтаназии. Доминирующая позиция в таких обсуждениях связана с принятием соответствующих законов в направлении легализации эвтаназии. К примеру, философско-правовая позиция, развивающаяся в законодательной политике Канады, состоит в том, что суть эвтаназии заключается не в лишении больного жизни, а в прекращении его мучений и страданий. Помимо этого, существуют страны, обладающие специфической законодательной практикой в сфере эвтаназии. Например, согласно законодательству Дании, здравомыслящие физические лица, достигшие 16 лет, могут пользоваться медицинской услугой помощи в самоубийстве. Для физических лиц в возрасте от 12 до 16 лет для осуществления этого акта необходимо согласие родителей или опекунов.

В истории человечества были и случаи массового применения эвтаназии. В частности, 1 сентября 1939 года в Германии со стороны нацистского режима был принят указ о «милосердной смерти» для 200 000 неизлечимо больных и детей с физическими и умственными недостатками.

В начале 1939 года в рамках операции по эвтаназии в газовых бомбах, использованных для немцев с умственной отсталостью, было убито более 70 000 человек. Сегодня же эвтаназия в Германии принимается в рамках определенных условий.

Особый интерес по применению эвтаназии вызывает и законодательная практика США. В Люксембурге на основе соответствующего отраслевого законодательства, 17 марта 2009 года была легализована процедура эвтаназии и оказания медицинской помощи при суициде.

В Канаде же добровольная эвтаназия была декриминализована с 6 февраля 2015 года, больным определенной категории была предоставлена правовая возможность по

применению эвтаназии на последнем этапе болезни.

Также особый интерес вызывает история развития законодательства России по применению эвтаназии. В 1992 году была применена практика освобождения от наказания многих заключенных, сумевших доказать, что это деяние, рассматриваемое как «преступление из милосердия», было совершено ими по сознательной воле и добровольному согласию самих жертв. Однако данная практика нашла свое оправдание в течение короткого периода времени – нескольких месяцев. Сегодня вопрос о легализации эвтаназии в РФ является предметом серьезных обсуждений как в научно-теоретическом обороте, так и в политической плоскости. В настоящее время лишение пациента жизни из-за милосердия классифицируется статьей Уголовного кодекса РФ как уголовная ответственность за «простое» умышленное убийство. А в Турецкой Республике активная эвтаназия санкционирована и запрещена под угрозой пожизненного заключения.

Под эвтаназией в узком смысле понимается действие, состоящее из ускорения процесса смерти лица, находящегося на грани физической смерти, предоставления ему более легкой и безболезненной смерти. Эвтаназия в широком смысле – медицинские меры, проводимые в направлении раннего прекращения жизни человека, страдающего неизлечимым заболеванием и испытывающего невыносимые страдания. Основное отличие между этими двумя видами эвтаназии заключается во времени и этапе их внедрения. Первый вид, т.е. узкий может применяться конкретно в момент смерти лица, а второй – на любом этапе болезни.

В самом широком смысле эвтаназия – медицинская деятельность, состоящая из осуществления безболезненной физической смерти лиц, жизнь и деятельность которых не представляет социальной или какой-либо другой значимости как для них самих, так и для общества (к при-

меру, люди с умственными недостатками, лица, пережившие смерть мозга и др.).

С точки зрения адекватного осознания и классификации эвтаназии в узком, широком или самом широком контексте является достаточно важным рассмотрение критериев неизлечимых болезней.

Термин «неизлечимая болезнь» является несколько спорным понятием в области медицины. Неизлечимость конкретной болезни в течение текущего анализируемого периода не исключает вероятности нахождения ее методов лечения в будущем. Наряду с этим в результате врачебной ошибки или недостоверного субъективного мнения медицинского специалиста возможны случаи установки неадекватного диагноза больного, фактически подлежащего лечению, как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Как правило, в странах, где эвтаназия узаконена, особо подчеркивается право больного самостоятельно принимать решения о самоопределении или право на самоопределение. Однако данная аргументация по обоснованию эвтаназии может быть применена только к добровольной эвтаназии. Так, применение эвтаназии без добровольного согласия лица или без его непосредственного участия основывается на предыдущем решении пациента, его завещании или решении его близких родственников, имеющих право принимать такие решения. В этом случае достоверность решения пациента об эвтаназии вызывает сомнения. Именно поэтому при выявлении наличия добровольного согласия больных на эвтаназию, определенную по отношению к ним, представляет особую важность, чтобы эти лица были вменяемыми или не обладали какими-либо психическими заболеваниями, ставящими под сомнение их вменяемость. Поскольку в противном случае практически невозможно определить достоверность сознательной воли

пациента. Однако, казус определения воли больных во время применения по отношению к ним эвтаназии, которые до последней стадии болезни соответствовали вышеперечисленным требованиям (были вменяемыми и т.д.), а затем у них произошла смерть мозга, продолжает оставаться проблематичным. В таком случае при применении эвтаназии частично ограничиваются право лица на самоопределение и принцип свободной воли, руководствуются предыдущими высказываниями пациента по этому поводу или мнением его близких родственников.

В целом, подход к эвтаназии неоднозначен как с научно-теоретической, философской, правовой, так и с этической, медицинской и теологической точки зрения. Для полного, объективного и развернутого исследования аргументов и контраргументов, связанных с применением эвтаназии, особую значимость представляет рассмотрение ее форм. Так, в зависимости от степени медицинского вмешательства, роли врача выделяются две формы эвтаназии:

1. Активная эвтаназия: медицинское вмешательство, применяемое по собственному желанию неизлечимого больного с целью прекращения его физических страданий. К примеру, в таком случае проводится инъекционное введение высокой дозы морфина, в результате чего обеспечивается безболезненная смерть пациента.

2. Пассивная эвтаназия: ускорение смерти неизлечимого больного, путем прекращения применяемых по отношению к нему медицинского вмешательства и других видов лечения.

Несмотря на то, что в научно-теоретическом обороте и теологии подход к пассивной эвтаназии частично лоялен, однако подход к активной эвтаназии однозначен. Это связано с тем, что, поскольку пассивная эвтаназия сопровождается совпадением процесса смерти пациента с есте-

ственным потоком событий, то во время активной эвтаназии процесс смерти происходит непосредственно в результате медицинского вмешательства. Иначе говоря, по сути, активную эвтаназию составляют действия, направленные на умерщвление больного по его добровольному согласию, а пассивная эвтаназия предполагает бездействие, сопровождающееся отсутствием медицинской помощи в его смерти. Именно поэтому в странах, где эвтаназия криминализована, по сравнению с пассивным ее активный вид считается наиболее опасным деянием.

С точки зрения дифференциации эвтаназии, в некоторых источниках она характеризуется как «самоубийство с помощью врача», в то время как в законодательстве ряда стран понятия «эвтаназия» и «самоубийство с помощью врача» отличаются друг от друга и, несмотря на запрет первого, разрешается проведение второго.

Если решение об эвтаназии принимается непосредственно самим пациентом, то это называется прямой добровольной эвтаназией. Решение о добровольной эвтаназии является результатом непосредственной и свободной воли пациента. Однако во время недобровольной эвтаназии решение о применении эвтаназии принимается лечащим врачом, а не пациентом. Также в медицинской практике встречаются случаи, когда пациент оказывается неспособным выразить свою волю. В таком случае решение принимается членами семьи или близкими родственниками больного. Если при принятии такого решения невозможно четко определить волю пациента, а решение об его эвтаназии по различным соображениям основано на вероятной воле больного, то данный вид эвтаназии характеризуется как непрямая добровольная эвтаназия.

Таким образом, вопрос прямой и непрямой добровольной эвтаназии выступает центром всех полемик в отношении легализации эвтаназии. Что касается недобровольной

эвтаназии, следует подчеркнуть, что, поскольку она противоречит праву пациента на самоопределение, то в данном контексте этот вид эвтаназии не является предметом обсуждений, а отношение к нему однозначно.

С точки зрения медицинской этики и философии права, эвтаназия и отношение к ее видам неоднозначны. Так, радикальное отношение к эвтаназии аргументировано по нижеследующим основаниям:

1. Решение об эвтаназии не может считаться рациональным, поскольку является результатом безнадёжной эмоциональной и психологической ситуации, равно так же, как и решение о совершении суицида;

2. Согласие больного на эвтаназию является результатом эпизодических решений, связанных с его физическим и психологическим состоянием, следовательно, такое решение должно характеризоваться не как результат сознательного волевого акта, а как последствие его психологического состояния на тот момент;

3. Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Неотъемлемые права являются фундаментальными. Право на жизнь, являясь неотъемлемым естественным правом человека, стоит выше всех остальных прав, в том числе и права на эвтаназию.

4. Эвтаназия останавливает научные исследования в области медицины и препятствует развитию современной медицины. На сегодняшний день эвтаназия характеризуется как примитивный выход при неизлечимых болезнях. Однако при однозначном введении санкций на эвтаназию медицинская наука начнет развиваться в направлении поиска альтернативных медицинских методов для лечения этих заболеваний и проводить более интенсивные исследования в этой области.

Как известно, достижения современной медицинской науки позволяют осуществлять лечение ряда болезней,

которые в средневековье считались неизлечимыми, а выход из этой ситуации заключался только лишь в применении эвтанази. Следовательно, в перспективе станет возможным лечение тех болезней, которые на сегодняшний день считаются неизлечимыми, а спасением от них выступает эвтаназия.

5. Проблемными остаются практика легализации эвтанази, которая может породить слишком много злоупотреблений, а также вопрос о согласии на эвтаназию больного, по отношению к которому преследуются корыстные цели со стороны близких родственников с целью присвоения его имущества и др. материальных благ.

6. Является проблематичной вероятность того, что лица, не обладающие достаточной информацией о своей болезни и перспективах ее лечения или непроинформированные медицинскими работниками, могут принять решение об эвтаназии под влиянием определенных эпизодических болей и физических страданий.

7. Невозможно восстановить право на жизнь лица, подвергшегося эвтаназии в результате допущенной врачебной ошибки по поводу неизлечимости заболевания так же, как и невозможно восстановить право на жизнь лиц, в отношении которых в результате судебной ошибки был применен и исполнен смертный приговор.

Особый интерес вызывает теологический подход к эвтаназии. В частности, поскольку право на жизнь считается священным и неприкосновенным в таких широко распространенных ниспосланных религиях откровения, как ислам, христианство и иудаизм, то суицид или прекращение жизни каким-либо другим способом считается грехом. Доминирующая теологическая позиция заключается в следующем: Бог даровал нам жизнь, и только Он может ее у нас отнять. Иначе говоря, основная аргументация теологи-

ческой позиции состоит в том, что определение начального и конечного момента человеческой жизни является исключительной и неприкосновенной прерогативой божественной силы.

В мировых религиях, как и в ниспосланных религиях откровения, подход к эвтаназии не является лояльным. К примеру, согласно буддизму, боль — неотъемлемая часть жизни, приняв которую человек может достичь самой высокой вершины, называемой Нирваной. Именно с этой точки зрения буддизм отрицает эвтаназию.

Говоря об эвтаназии, следует особо обсудить соотношение права на жизнь и эвтаназии. Право на жизнь как фундаментальная основа всех других прав и свобод нашло свое отражение в конституционном законодательстве всех правовых и демократических государств. Оно считается неприкосновенным и священным, и с теологической точки зрения. Именно поэтому в контексте права на жизнь отношение к применению эвтаназии однозначно. Однако, наряду с этим, также не исключается возможность рассмотрения права на жизнь в спектре права лица на самоопределение.

Наличие смертного приговора и смертной казни в ряде стран, в частности в таких, как США, Китай, Иран и др., дает основание полагать, что в целом право на жизнь, будучи священным, не является полностью неприкосновенным. Следовательно, ограничение человеческого права на жизнь в форме смертной казни создает возможность его ограничения и в форме предоставления лицу права на самоопределение, то есть легализацию применения эвтаназии.

Законодательная практика Азербайджанской Республики отличается своей однозначно радикальной позицией к эвтаназии. Так, эвтаназия, нашедшая свое отражение в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики, вклю-

чена в категорию преступлений против личности. Согласно статье 135 настоящего кодекса, эвтаназия, то есть удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо средствами или действиями либо прекращение искусственных мер по поддержанию жизни,— наказывается исправительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (96).

Впервые в практике уголовного законодательства Азербайджанской Республики эвтаназия была закреплена как санкционированная норма или состав преступления в 1999 году. Общественная опасность эвтаназии выражается в безжалостном лишении жизни неизлечимых или тяжелобольных, что, однако, преподносится как якобы выполнение их просьбы в оказании им помощи. При смягчающих обстоятельствах эвтаназия является разновидностью убийства. Законодатель, учитывая, что это преступление было совершено по просьбе пострадавшего, который также являлся тяжело больным и неизлечимым, отнес эти признаки к ряду смягчающих обстоятельств. При определении того, что это действие является преступлением, законодатель принял за смягчающее обстоятельство и тот факт, что виновный совершил данное деяние из жалости к пострадавшему с целью положить конец его страданиям, испытываемым в связи с болезнью.

В теории уголовного права в течение длительного времени ведутся дискуссии о том, является ли эвтаназия уголовным преступлением, как в стране, так и за ее пределами. Авторы, принимающие личные права человека за «естественные права», рассматривают этот вопрос в контексте того, что каждый имеет право на смерть, так же, как и обладает правом на жизнь. Именно поэтому эвтаназия

не просто не должна быть криминализована, напротив, она должна считаться целесообразной и общественно полезной, поскольку является доброжелательным поступком.

Объектом эвтаназии выступают общественные отношения, связанные с безопасностью жизни личности. В связи с этим, как отмечается в статье предусматривающей состав преступления эвтаназии, она должна найти свое место в ряду преступлений против личности, а не против здоровья. Иначе говоря, место эвтаназии, которое оно занимает в главе Уголовного кодекса Азербайджанской Республики 1960 года, следует считать правильным.

Объективная сторона преступления эвтаназии выражается в ускорении по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями или прекращении искусственных мер по поддержанию жизни.

Согласно Уголовному кодексу, в качестве пострадавшего лица от этого преступления может выступать любое лицо, имеющее то или иное заболевание. Однако с практической точки зрения уголовную ответственность, предусматриваемую статьей 135 Уголовного кодекса, создает убийство по определенным медицинским показаниям неизлечимого больного по его просьбе. Как уже отмечалось, под ускорением смерти больного какими-либо средствами или действиями (активной эвтаназией) понимаются такие действия, как отравление смертельным ядом, инъекция яда, нанесение повреждений повлекших смерть.

Под прекращением искусственных мер по поддержанию жизни (пассивной эвтаназией), понимается приостановление работы искусственной вентиляции легких («аппарата искусственного дыхания»), искусственного поддержания гемодинамических показателей (артериального давления, пульса и др.), определенных вспомогательных средств для поддержания жизнедеятельности (аппарат «искусственная почка», детоксикация, плазмоперез, гемо-

перез и др.).

Просьба больного может быть выражена как устно, так и письменно. Если отсутствует просьба больного в той или иной форме, то его умерщвление квалифицируется как умышленное убийство. Просьба больного должна быть добровольной. Деяние лица, склонившего больного к эвтаназии, в результате чего выполняет просьбу о его умерщвлении, влечет за собой уголовную ответственность за умышленное убийство. К примеру, в части 2 статьи 97-1 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики 1960 года, предусматривалась уголовная ответственность лица, сознательно побуждающего больного к эвтаназии. А в действующем Уголовном кодексе, подобное деяние не предусмотрено в качестве состава преступления. Непривлечение к уголовной ответственности лица, побудившего больного к эвтаназии, является правовым пробелом в нынешнем Уголовном кодексе. Однако в статье 38 («Запрещение эвтаназии») Закона «Об охране здоровья населения» от 26 июня 1997 года отмечается, что эвтаназия, т.е. ускорение, по просьбе больного, его смерти любым средством или действием, а также прекращение искусственных методов, способствующих продлению жизни, запрещается. Лицо, преднамеренно склоняющее больного к эвтаназии или производящее эвтаназию, несет ответственность в установленном законодательством порядке.

Как становится очевидным, несмотря на то, что в статье 38 вышеуказанного закона предусмотрена ответственность по отношению к лицу, преднамеренно склоняющему больного к эвтаназии, однако в Уголовном кодексе данное деяние не санкционировано.

Эвтаназия – преступление с материальным составом, которое считается завершенным с момента прекращения жизни пострадавшего в результате действий или бездействий виновного.

С субъективной стороны эвтаназия характеризуется виной в форме умысла. Здесь замысел виновного проявляется только в форме косвенного умысла. Виновный осознает, что своими действиями (бездействием) ускоряет смерть пациента или осуществляет прекращение искусственных мер, способствующих продлению жизни, не желает смерти больного, но сознательно допускает ее.

Таких как эвтаназия, манипуляции на генах, репродуктивные технологии и т.п. – биоэтические направления, содержат в себе философские, этические, мировоззренческие, правовые разночтения, и в законодательной/правоприменительной практике международное право и национальные правовые системы многих государств содержат их категорические запреты. Научные интересы сегодня настолько востребованы, что, несмотря на осторожное отношение правоведения к их реализации, ученые активно «продвигают» свои достижения, находя практическую потребность общества в повышении качества жизни и здоровья.

Имплементация принципов биоэтики в странах с разными этнокультурными ценностями и традициями реально сталкивается с трудностями в связи с проявлением особенностей и отличий национальных систем этического регулирования в медицине и здравоохранении. Вместе с тем, общим признаком является тот факт, что имплементация биоэтических норм в национальные законодательства должна быть, в первую очередь, направлена на обеспечение прав пациентов на недискриминационной основе, доступа к минимально необходимому комплексу услуг по реализации здорового образа и условий жизни каждого человека.

Азербайджанское законодательство в области защиты прав пациентов обладает рядом прогрессивных, на наш взгляд, элементов, так как включает в себя основные биоэ-

тические принципы, которые отражены как в Законе «Об охране здоровья населения», так и в других законодательных актах в сфере здравоохранения и социального обеспечения.

Так, в этих законах имеют место принципы согласия лиц, не обладающих правоспособностью давать согласие, признания уязвимости человека и уважения неприкосновенности личности и частной жизни, конфиденциальности, справедливости и равноправия, недопущения дискриминации и стигматизации, уважения культурного разнообразия и плюрализма, солидарности и сотрудничества, социальной ответственности и здоровья, защиты будущих поколений и совместного использования благ.

Проблема эвтаназии, как любая другая проблема биоэтики, не может иметь однозначного решения. Истинный смысл гуманизма состоит в обоснованной нейтрализации любых факторов, оказывающих воздействие на принятие легализирующих законодательных мер в этой области. Тут важна позиция не только и не столько представителей от медицины, но, в большей степени, всего общества в целом, и исходить она должна из посыла – эвтаназия является актом грубого попрания естественного стремления к выживанию.

Проблема эвтаназии до сих пор остается противоречивой и становится актуальной день ото дня. Даже в случае законодательной легализации эвтаназии многие так же будут считать, что она не имеет право на существование. Крайне велика опасность недобросовестного соблюдения всех этапов осуществления эвтаназии. Основная причина этому – человеческий фактор. С другой стороны, нельзя отрицать, что эвтаназия уже фактически существует в нашей жизни. С течением времени появляются новые проблемы, напрямую связанные с эвтаназией (73, с. 24).

По запросам мировой общественности вырабатывают-

ся международно-правовые документы, отражающие шкалу мнений от легализации до полного отрицания этого явления как не выражающего общечеловеческих ценностей. Преднамеренное умерщвление из чувства сострадания, по сути, обнуляет гуманистические принципы, формировавшиеся в течение тысячелетий. В подтверждение такого решения проблемы стоит напомнить, что ментальность азербайджанского народа, традиционные морально-нравственные и издревле сложившиеся духовные ценности отрицают признание и узаконивание права на эвтаназию.

Правовой оценки заслуживает также акт склонения к эвтаназии (и вообще к убийству), предполагающий определенный способ совершения: применение угроз, жесткое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего, возбуждение в больном решимости уйти из жизни и обратиться к медработнику с просьбой об эвтаназии. Подобные действия не предполагают соучастие или какой-либо другой уголовно-правовой институт. Лицо, склонившее больного к эвтаназии, не подлежит наказанию, даже если акт эвтаназии признан формой самоубийства при помощи врача.

В ряде зарубежных государств убийство, мотивированное состраданием и совершенное по просьбе пациента, представляет собой обособленный (так называемый «привилегированный») вид умышленного причинения смерти. В этих случаях их уголовные законодательства предусматривают более мягкое наказание нежели те, что назначают за простое либо квалифицированное виды убийства. Включаются также и составы пособничества самоубийству либо склонения к нему. Срок наказания значительно увеличивается в случае преступления в отношении несовершеннолетнего лица. В качестве смягчающего обстоятельства может послужить информированность виновного о неспособности пациента руководить своими действиями

или его непонимание характера и значения совершаемого действия.

Вопрос о том, допустима ли эвтаназия, каждый решает для себя сам, исходя из своих личных этических, религиозных убеждений. Государство же обязано осуществить строгую и последовательную законодательную регламентацию отношений, связанных с эвтаназией, так как эвтаназия как явление объективно существует и проблему ее легализации в той или иной форме необходимо решать. Именно государство обязано защитить фундаментальное право каждого человека на жизнь, учитывая, что эвтаназия чревата массой злоупотреблений, порою фатальных для человека. Нельзя отрицать и то, что в свободном обществе человек имеет право свободно распоряжаться своей жизнью. По этой причине закон может допускать в исключительных случаях пассивную эвтаназию. Что касается активной эвтаназии, то ее необходимо запретить, так как она не только противоречит врачебной этике, но и нарушает основополагающие законы человеческого мироздания (37).

Очевидно, что биоэтика как наука, интегрирующая и глобализирующая все стороны жизни современного общества, одновременно выявляет и актуализирует такие аспекты стремительно развивающихся научно-технического прогресса и биомедицинских технологий, которые несут угрозу сохранению человека как биологического вида. В таких условиях самым важным является четкое соотношение морали с правом.

С биоэтическими проблемами в области репродукции человека связано еще одно направление – аборты. Аборт – (лат. *abortus*, выкидыш) прекращение беременности вследствие рождения плода до истечения 28 недель.

Проблема аборта является настолько актуальной в «цивилизованных» странах, что она входит в предвыборные кампании президентов, например, в США. Большин-

ство западных стран легализовали искусственное прерывание беременности. В СССР и других коммунистических странах аборт были разрешены гораздо раньше.

В той же Великобритании и Голландии срок прерывания беременности более 24 недель становится криминальным, во многих штатах Америки – вообще не имеет временных границ. В России аборт на большом сроке осуществляется по медицинским показаниям – если беременность или роды угрожают жизни женщины, выявлена грубая патология плода (с согласия женщины и родственников; тут следует особо отметить, что современные инновационные технологии позволяют внутриутробно исправить до 99% патологий), либо социальные показания на сроке до 22 недель, как то: смерть или инвалидность мужа, изнасилование, материальный доход ниже прожиточного минимума.

По медицинским показаниям и в других исключительных случаях аборт разрешаются только при угрозе жизни и здоровью женщины. В Испании аборт допускается только на ранних сроках (до 12 недель) в случаях, если (i) беременность явилась результатом сексуального насилия, (ii) у плода обнаружены серьезные аномалии, (iii) есть угроза жизни, физическому и психическому здоровью женщины. В Португалии действует похожий закон.

Разрешение аборт по медицинским и социально-экономическим показаниям включает также случаи изнасилования. В ст.30 Закона об охране здоровья населения АР закреплены основы искусственное прерывания беременности. Отмечается что, каждая женщина имеет право на самостоятельное решение вопроса материнства. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины до 12-недельного срока беременности. По социальным показаниям искусственное прерывание может проводиться до 22-недельного срока беременности. По ме-

дицинским показаниям и при желании женщины, беременность может прерываться искусственно, независимо от ее срока. Искусственное прерывание беременности должно проводиться квалифицированными врачами в государственных и негосударственных медицинских учреждениях. Перечень медицинских и социальных показаний по искусственному прерыванию беременности определяется соответствующим органом исполнительной власти. Запрещается искусственное прерывание беременности врачами вне больниц или других лечебных учреждений.

При полном запрещении производство аборта считается преступлением против внутриутробной жизни и приравнивается к убийству.

Свобода аборта существует в наиболее либеральной группе стран. Здесь законодательство признает право женщины самостоятельно решать вопрос о беременности. Санкционная, в том числе, уголовная политика направлена только на охрану здоровья женщины, т.е. наказуемы только внебольничные и поздние аборт.

Реализация личной свободы женщины может быть разной, и степень государственного вмешательства также различна. В обществе растет доля граждан с позицией неприятия аборта как средства планирования семьи, это объективно подводит к необходимости внесения корректив в законодательство, направленных на определенное ограничение абортов путем введения мер их нормативного регулирования. Исключение криминального аборта из уголовной практики возможно при наличии общедоступности, бесплатности, гарантии безопасности медицинского аборта, технологического комфорта.

Проблема аборта безусловно и однозначно пересекается с вопросами невмешательства в природу человеческого эмбриона. Отношение к аборту в современном мире – проблема морали и права. Этическая сторона вопросов из об-

ласти аборт и человеческих эмбрионов, на которые пока нет однозначных правовых и законодательных ответов, связана с тем, что возрастающее могущество человека обязывает брать большую ответственность за решение проблем самой сути природы, естества, непознанных прерогатив человеческого организма.

Некоторые исследователи придерживаются позиции улучшения человеческой природы, благоприятствования генетическому совершенствованию, осознания общественной «пользы» от искусственно формируемой наследственности, селекции «позитивных образцов» индивидуумов. Так считает, например, американский генетик Г.Мюллер (17, с.60). Нобелевский лауреат Дж.Д.Уотсон высказывается за «уничтожение эмбриона в тех случаях, когда его генетический анализ позволяет предсказать тяжелую неизлечимую болезнь» (82, с. 15).

Заходя в область репродукции человека под названием *искусственное оплодотворение*, заметим, что с помощью этого метода был получен доступ к живым человеческим эмбрионам. Это стало началом исследований и экспериментов над «лишними» эмбрионами, которые либо не были по разным причинам имплантированы в материнской утробе, либо были чрезмерно деформированы, либо еще по каким-либо причинам остались невостребованными.

По большому счету, практика использования «лишних» эмбрионов достаточно широка, речь идет лишь о сроках их развития, ограниченных законом. В шести странах приняты законы, разрешающие использование «лишних» эмбрионов в исследовательских целях. К ним относятся США (2001), Великобритания (2001), Финляндия (1993), Греция (2002), Голландия (2002) и Швеция (1991). В пяти странах полностью запрещено использование этих технологий: в Австрии (1992), Дании (1992), Франции (1994), Ирландии (1983), Испании (1988). В большинстве

других европейских стран, в частности в Италии, Португалии, России, Азербайджанской Республики по этому вопросу нет законодательств. В Германии разрешен ввоз эмбриональных стволовых клеток.

Провоцированные аборты здоровых зародышей могут, по мнению ряда ученых, использоваться для терапевтических целей. Эти намерения способствуют росту числа абортов, иногда с коммерческой целью.

В биоэтике вопрос о жизни и смерти благодаря возможностям биомедицинских технологий оказывается вопросом морального выбора. Исследователь А.Гуревич отмечает, что «в результате развития реаниматологии стало недействительным традиционное определение смерти» (33, с. 214).

Рассматриваемое нами понятие смерти нельзя исследовать отдельно от религиозных институтов. Однако, как считает исследователь А.Гоголева, «современное понимание смерти, сформированное научным мировоззрением, становится вразрез с религиозной трактовкой этой проблемы, преобладающей в сознании человечества веками, формирующей мораль и этику человеческого сообщества, от чего перед человеком нашего времени встает множество жизненно важных вопросов и проблем» (30, с. 141).

В исторической антропологии, представленной работами Ж.Дюби и Л.Февра, отношение к смерти рассматривается как «своего рода эталон, индикатор характера цивилизации», «один из коренных» параметров «коллективного бессознательного» (37, с.627). Энциклопедия Дж.Р.Льюиса, всемирно известного специалиста по нетрадиционным религиозным течениям, знакомит читателя с обширным мифологическим, историческим, научным материалом об образах смерти в различных культурах и народах (55, с. 554).

В современном обществе, по мнению А.Гоголевой, отношение к смерти радикально изменилось, что привело к девальвации традиционной системы ценностей. Сегодня феномен смерти – не биологический факт, а социальное отношение и социальный институт, причем один из важнейших, поскольку он составляет фундамент ценностных отношений и первичных представлений о нравственности (30, с. 141). «Смерть – компонент картины мира, существующий в сознании членов данного общества в данный период», - пишет А.Гуревич (33, с. 214).

Достижения современной биомедицины привели к созданию новых научных направлений, позволяющих в корне изменить отношение к смерти, причем не только в биологическом поле, но и религиозном. К примеру, реаниматология – наука, изучающая механизмы умирания и оживления умирающего организма. Ее формирование и успешное функционирование признано считать олицетворением революционных изменений в медицине. Реанимационные мероприятия позволяют искусственно поддерживать жизнь в умирающем человеке даже в отсутствие надежды на выздоровление. Возникли дискуссии по поводу ненужной реанимации и права умереть, для чего необходимо принятие нового критерия человеческой смерти – «смерти мозга».

Четкие критерии определения смерти необходимы, чтобы разграничить ситуации, когда терминальные пациенты имеют обеспеченное реанимационными процедурами право на жизнь, а когда они фактически уже умерли и когда «поддержание» жизни лишь продлевает умирание, но не предотвращает саму смерть. Как отмечает А.Гуревич, «морально-этической является не проблема равенства смерти мозга и биологической смерти, а проблема отношения врача к трупам с бьющимся сердцем и связи с возможностью несогласия с новой трактовкой смерти родных

умершего и части общества. Новые критерии смерти позволяют определить, что грань между поддержанием жизни и продлением умирания становится такой тонкой, что смерть может оказаться длительным механизированным процессом умирания» (33, с. 214).

Российский эксперт по биоэтике Б.Юдин также придерживается позиции, что «сегодня новые технологии, с одной стороны, неизмеримо расширяют возможности человека, а с другой – ставят нас перед ситуациями, которые выходят за рамки морального опыта человечества. Человеку приходится делать непростой и чрезвычайно ответственный выбор, который определяет судьбу либо его самого, либо его близких. В связи с этим вопрос о нравственности знания и его применения встал с небывалой остротой» (86, с. 12).

Пограничную ситуацию называет «зоной неопределенности» – когда коматозные пациенты находятся между состояниями «определенно жив» и «определенно мертв». Если человек еще дышит или бьется его сердце, общественное сознание с недоверием относится к констатации смерти. «Умирание» и «смерть» – понятия, различающиеся в медицине. Умирание – это процесс необратимых патологических изменений, ведущих к наступлению смерти. Смерть – это состояние, абсолютно противоположное жизни и обозначающее момент, когда заканчивается жизнь.

Жизнеподдерживающие технологии предоставляют современной медицине возможность предотвращать смерть большинства пациентов. Поэтому высказываются мнения об отмене удлиняющего жизнь лечения больных в терминальном или постоянно бессознательном состоянии и отказе от него. При этом неизлечимо больные люди, ощущая постепенное разрушение своей естественной природы, подвергаются как физическим, так и моральным страданиям. Из активного субъекта, обладающего «правом

на жизнь», умирающий человек превращается в «овощ», в пассивный объект с неопределенным смыслом жизни. Медицина, находящаяся в формате управления процессом умирания, удлинняет финальный отрезок жизни и тем самым приобретает право распоряжаться ею.

Достойная жизнь смертельно больного человека может быть поставлена под сомнение, если он не желает продолжать жизнь, наполненную мучениями и страданиями. Системы здравоохранения разных стран отличаются в степени использования достижений медицины в продлении продолжительности жизни в пожилом возрасте.

Либеральная позиция исходит из принципа: достойно жить, достойно умереть. Эта идеология рассматривает право на смерть как единственно реальное избавление от страданий безнадежно пациента. Считается, что если боль неустранима, помочь больному, просящему легкой смерти, является проявлением гуманизма.

В пользу признания права на смерть приводится соблюдение принципа уважения автономии пациента и обязательство медперсонала учитывать его выбор в отношении предельной самодетерминации личности, то есть решения человека в безнадежном состоянии самому определять время собственно смерти. Причем, как считает российский хирург С.Долецкий, «Необходимо соблюдать два условия: если страдания невозможно устранить известными средствами, и если болезнь неизбежно приведет к деградации личности» (38).

Очевидно, что смерть в современном, постиндустриальном обществе приобретает характеристики социальности, становясь немаловажным фактором формирования коллективного разума, берущего на себя социальные и духовные функции и ответственность.

§2.3. Торжество этических идей в феномене правового государства

Чтобы ускорить процесс становления правового государства, процесс организации социальных систем в государствах, освободившихся от советского тоталитаризма, должен в первую очередь избавиться от стереотипов философской системы, которые лежали в его идеологической основе. В этом свое слово должна сказать наука. Конституции постсоветских, посттоталитарных республик были приняты, на наш взгляд, на период перехода к правовому государству с учетом национальных и исторических особенностей, сложившегося уклада жизни, обычаев, традиций и других специфик каждой республики.

Следует отметить, что правовое государство складывалось в разных странах в исторически разное время и по-разному. По-разному, оно находило отражение в политико-правовых документах, и прежде всего в конституциях этих стран. Правовое государство – подлинно демократическое государство, в котором источником государственной власти является народ, где права и свободы личности обретают реальный характер. Это – государство полной гласности, свободы информации, где обеспечиваются политический и идеологический плюрализм и другие демократические ценности. Именно на такой основе по мере вызревания гражданского общества исторически возникли, развивались и достаточно прочно укрепились институциональные механизмы правовой государственности во многих развитых западных странах. Значительно сложнее обстоит с трансформацией тоталитарного «социалистического» государства, представляющего, как мы сегодня осознали, извращенную форму государственности, в правовое государство.

Впервые в формировании социалистического право-

вого государства в советском обществе было заявлено на состоявшейся в конце июня - начале июля 1988 года, XIX-ой Всесоюзной партийной конференции КПСС. В ее материалах говорилось, что «процесс последовательной демократизации советского общества должен завершить создание социалистического правового государства» (60, с. 62).

Формирование государственно-правовых институтов являющихся основой правового государства, государственности и его функционирование возможно только при демократической обстановке. Как правило, «государство без помощи общества, а общество без помощи государства не могут решить коренные вопросы. Без развитой структуры гражданского общества государство не может быть демократичным» (31, с. 24). В демократическом обществе, единственная общая политическая власть принадлежит правовому государству. Это является общечеловеческим достоянием. Правовое государство является законодательным государством и это принимается как аксиома. Идея правового государства воплощает достижение мировой демократической мысли, прогрессивные взгляды великих мыслителей прошлого, достижения цивилизации, мировой опыт политической и правовой культуры. Становление правовой государственности – это было движение человечества к свободе, осознанное стремлением обуздать всемогущество государства, заставить его уважать законы и права человека. Юридически это означает признание свободы человека и общества от неограниченного государственного вмешательства, примат права над государством, обязательство государства во всей своей деятельности соблюдать закон, необходимость демократического формирования и функционирования органов государственной власти. Оно было обусловлено развитием самого общества и стало возможным в результате формирования в обществе, оттачиваемых веками, таких общечеловеческих ценностей,

какими явились принципами и идеи естественного права, суверенитета народа, разделения властей, верховенство закона, свобода личности и предпринимательства на основе частной собственности.

Что же представляет собой правовое государство, каковы главные характерные черты, основные принципы, присущие данной форме организации и функционирования публичной политической власти? В юридической научной литературе, в частности по теории государства и права до сих пор нет единого мнения по поводу определения характерных черт, принципов правового государства. Различные авторы по-разному определяют их. Так, Г.Н.Манов считает, что «правовая государственность основывается на трех принципах: верховенство закона, разделение властей, связанность государства и граждан взаимными правами и обязанностями» (78, с. 251). М.Н.Марченко к основным принципам правового государства относит: «верховенство закона, гарантированность и незыблемость прав и свобод граждан, их реальное обеспечение, взаимную ответственность граждан и государства, разделение властей, режим демократии, законности и конституционность» (77, с. 263). В.Д.Перевалов выделяет такие принципы правового государства, как «приоритет права, правовая защищенность человека и гражданина, единство права и закона, разделение властей» (76, с. 101).

Как видно, при всем разнообразии определения критериев правового государства, все названные авторы сходятся в том, что основными принципами такого государства являются: верховенство права (или закона), связанность государства и граждан взаимными правами и обязанностями (взаимная ответственность государства и гражданина), разделение властей. Несомненно верным представляется отнесение к принципам правового государства, незыблемость и гарантированность прав и свобод граждан

(М.Н.Марченко). Что же касается такого принципа, как создание и поддержка в обществе режима демократии, законности и конституционности (М.Н.Марченко), то он во многом вытекает из принципа верховенства закона и, конечно, в первую очередь Основного закона – Конституции, её неукоснительного соблюдения и реализации.

Правовое государство формировалось постепенно на базе соответствующих идей и взглядов, которые появились еще в глубокой древности. Представления о государстве, как организации осуществляющей свою деятельность на основе права, закона, начали формироваться еще на ранних этапах человеческой цивилизации в поисках принципов, форм и конструкций для установления взаимосвязей, и согласованного взаимодействия власти и права. Образно говоря, считается, что у истоков правового государства стоит богиня Правосудия с повязкой на глазах, с мечом и весами в руках, олицетворяющая единение силы и права. Охраняемый богиней правопорядок в равной мере обязателен для всех. По представлениям древних, это не только символ справедливости суда, но и идея справедливой государственности вообще, справедливой организации власти в обществе. Философские же основы теории правового государства изложил основоположник классической немецкой философии И.Кант. В его концепции центральное место занимает человек и личность. По Канту «правовое государство – это человеческое большинство, подчиняющееся юридическим законам. Благодеяние государства в совершенном праве. Там, где государство действует на основе конституционного права, выражает общую волю народа, то это правовое, там невозможно ограничение личных свобод граждан, гражданских прав. Назначение государства в совершенствованном праве, его строение и максимальном соответствии режиму» (46, с. 233). Именно вследствие этих положений, Кант считается основополож-

ником теории правового государства, которую развил впоследствии ещё один классик философии Ф.Х. Гегель и другие мыслители.

В литературе современное правовое государство делят на три вида: «первое, конституционное (либеральное движение вынудило, чтобы государственная власть формировалась конституционным образом); второе демократичное (либеральное движение заставило, чтобы государственная власть признала общее право выборности и другие права); третье социальное (либеральное движение вынудило, чтобы государственная власть обеспечила достойную жизнь). Современное государство подразделяется на четыре вида: гражданское, правовое конституционное, правовое демократическое, правовое социальное» (56, с. 118). Поднимается вопрос о необходимости создания структуры и технологии правового государства, чтобы решить следующие проблемы: «а) систематизирование по общему приоритету и определение требующего законодательного закрепления реализаций требований, интересов и целей для всех государств; б) выражение и представление общей воли по общим требованиям, интересам и целям; в) создание одинакового и обязательного исполнения стимулирующих условий поведений (норм) участников общественной деятельности для всех видов государственного регулирования и санкций; г) защита свободы посредством законов и юридическими правилами и возможности охраны безопасности и осуществления благоденствия и стабильности» (22, с. 75).

Для утверждения правового государства необходимо, чтобы беспрекословно выполнялся объективно-правовой принцип разделения власти. «Разделение властей с механизмом «сдержек и противовесов» прошло практику в демократических Афинах, а также в Римской республике, являющейся одним из самых больших достижений античной

культуры» (82, с. 53). Первым автором идеи разделения властей является Д.Локк. Он делит «государственную власть по исполняемым особенностям – на законодательную, исполнительную и союзные (федеральные) власти» (54, с. 88-89). Монтескье в произведении «О духе законов» (1748) для устранения возможностей злоупотребления властью в разделении властей между различными ветвями, власти предлагает принцип «сдержек и противовесов» (64, с. 289). Идея Монтескье о разделении властей впервые была закреплена в Конституции США (1787).

В основе правового государства лежит стремление оградить человека от государственного террора, насилия над совестью, мелочной опеки со стороны органов государства, гарантировать индивидуальную свободу и основополагающие права личности. Правовое государство, на наш взгляд – это государство, основными характерными чертами, принципами которого являются: примат права, верховенство закона в обществе, связанность законом государства и его органов, разделение властей, обеспечение свободы личности, взаимной ответственности государства и личности. Это – подлинно демократическое государство, в котором источником государственной власти является народ, где права и свободы личности и обретают реальный характер. Это – государство полной гласности свободы информации, где обеспечиваются политический и идеологический плюрализм и другие демократические ценности. Именно на такой основе по мере вызревания гражданского общества исторически возникли, развивались и достаточно прочно укрепились институциональные механизмы правовой государственности во многих развитых западных странах.

При решении вопросов, касающихся жизненных интересов народа, например, при разработке и утверждении государством экономических и социальных программ, на

наш взгляд, обязательно необходимо выявить волю народа, что возможно при обсуждении указанных программ. Отсюда вытекает необходимость расширения полномочий парламента Республики, что способствовало бы выражению в принимаемых законах интересов большинства народа; это явится важным шагом на пути закрепления социальной справедливости, формирования правового государства. Судьбу закона решают депутаты – народные избранники, призванные изучать интересы и волю своих избирателей и учитывать их при принятии закона. А для принятия справедливых законов, хотелось бы напомнить законодателям – народным избранникам, высказывание Общенационального лидера Гейдара Алиева, которое было сказано в первые дни повторного возвращения его к властным полномочиям: "Государственная независимость Азербайджанской Республики – это историческое событие. Мы, нынешнее поколение народа Азербайджана должны полезно и всесторонне воспользоваться этими возможностями..." (3, с.134). В свою очередь для того, чтобы другая ветвь власти – судебная власть, всегда стояла на стороне интересов закона, представляется, что прежде всего, этот закон сам должен быть правовым. В противном случае объективно невозможно защитить интересы неправового закона. Неправовой характер закона создает благоприятную почву для склонения суда к позиции выгодной ей стороны. Правовой характер закона определяется его соответствием основной идее права, т.е. справедливости. Следовательно, законодательное конструирование судебной власти должно быть осуществлено с учетом её подлинной независимости. Только такие законы могут предусмотреть истинно правосудные интересы и обеспечить действительную независимость судей. По-настоящему независимый суд, не может не быть беспристрастным. Одновременно с этим необходимо совершенствовать законодательную ра-

боту, всю деятельность парламента республики по подготовке, обсуждению и принятию законов, привлечения к ней широкой общественности. Надо чаще практиковать для широкой информации населения публикацию проектов законов, их предварительное обсуждение и выявление, и закрепление в законах справедливых предложений граждан. Разработка и принятие справедливого закона сложная профессиональная деятельность. Однако, как показывает работа парламента, очень немногие депутаты проявляют себя профессионально, да и не могут этого сделать, поскольку большинство депутатского корпуса не являются юристами. Отсюда и то, что некоторые законы, не отвечают критериям права, являются не действенными, часто подвергаются изменениям и дополнениям, нередко вскоре отменяются, обновляются. Законодательство нуждается в помощи науки, каждый принимаемый парламентом закон должен быть научно обоснован. В этом огромная роль принадлежит ученым, прежде всего – правоведам, социологам, экономистам, экологам, а также представителям других наук при принятии соответствующих законов. Ведь в конечном итоге, – "...человек, убежденный в справедливости требований правовых норм, не нуждается ни в каком дополнительном государственном воздействии для выполнения этих требований. Он совершает поступки, учиняет правомерные акты по реализации норм самостоятельно, добровольно. Им руководит в этих случаях идея, обусловленная практической потребностью жизни общества, в справедливости которой он убежден..." (67, с.211).

Нравственно-гуманистический потенциал права, его назначение быть нормативным выражением социальной справедливости, мерой свободы личности, закрепляет в правосознании представления о правомерном и противоправном. Сегодня примечательными чертами отношения людей в нашей стране к праву и практики его реализации

являются: утрата уверенности, точнее разубежденность в том, что социальная справедливость может быть обеспечена правом; распространение неверия в независимость правоприменяющих институтов, в силу и авторитет закона; сформировавшееся как результат несовпадения нормативных требований с реальными условиям жизни, массовое "раздвоенное" правосознание, способное игнорировать многие нормы, утративших по мнению его обладателей полезность и действенность, а также позволяющее использовать противоречивые нормы для различных целей и в противоположных ситуациях. Закон должен стать "первичным регулятором", "самостимулом" правомерного поведения", а это означает, что и власть, и управление, и поведение граждан в равной мере должны опираться только на закон. В свою очередь необходимо изменить и суть законотворческой деятельности, чтобы принимаемые законы не оставались отражением сиюминутной "прихоти" властей или лоббистской деятельности узкой группы олигархов, а действительно были бы "нормативно закрепленной справедливостью, становились стимуляторами, побуждающими граждан к поведению, признанному законом, поощряющими и гарантирующими инициативу и творческую деятельность. В этом вопросе необходимо учитывать и экономическое расслоение нашего населения, когда появляется группа материально невероятно богатых людей, и наличие большого количества вынужденных переселенцев – жертв армянской агрессии, дальнейшая судьба которых раньше, – до 44-дневной Карабахской войны состояла в "неопределенном ожидании".

Несовершенство законодательства, правоприменительной деятельности, нарушения законности и правопорядка неизбежно сказываются на сбоях в нравственных ориентациях и в нравственных отношениях и, подрывая уважение к праву, оборачиваются значительными нрав-

ственными потерями. И наоборот, культурно-нравственные деформации в обществе, искаженные представления о возможном и недопустимом становятся препятствиями на пути реализации социально-правового обеспечения правомерного поведения. Известно, что для предотвращения правонарушений в качестве приоритетных направлений всегда выделяют правовое воспитание граждан. Оно является и важнейшим условием построения гражданского общества, которое составляет необходимую подсистему правового государства. "В области правового воспитания, – пишет В.Н. Кудрявцев, – основная научная проблема в настоящее время заключается в том, чтобы разработать методы и средства наиболее эффективного и дифференцированного использования массовых коммуникаций в целях повышения уровня правовых знаний и общей правовой культуры населения. От изучения степени осведомленности населения в содержании различных правовых норм необходимо перейти к изучению особенностей личности тех, кто по-разному воспринимают и реализуют правовые предписания в своем поведении..." (53, с.220). В семидесятые годы XX века Д.А.Керимов предлагал создать на этой основе "целостную концепцию правового воспитания" (48, с.63). Однако при этом нельзя забывать о давно ставшей непреложной истине, что главное средство борьбы с правонарушениями правовыми мерами – не жестокость наказания, а его неотвратимость, которая обеспечивается отнюдь не законодательством, а всей практикой деятельности правоохранительных органов. Следовательно, коррумпированность правоохранительных органов, наказание невиновных и наоборот безнаказанность антиобщественных деяний, могут свести к нулю всю правовую политику в области правового воспитания населения. Дело в том, что хотя люди по-разному воспринимают и реализуют правовые предписания, но одинаково болезненно воспри-

нимают злоупотребления, совершаемые судами и правоохранительными органами, после чего всякие мероприятия и программы, направленные на борьбу с преступностью через правовое воспитание граждан встречаются ими с иронией. В современных условиях суть противоречий между правом и нравственностью усложнилась, во многом отразив происходящие в обществе социально-деформационные процессы. Прежде всего, они коснулись более глубоких корней взаимообусловленности и взаимозависимости правового и морального сознания. Сегодня можно констатировать нарастание процессов дискредитации закона в гражданском сознании и роста правового нигилизма в целом, которые, укрепляя убежденность в бездействии государственно-правовых структур, служат общей нравственно-правовой деформации личности. В то же время, к глубокому сожалению само духовное состояние общества находится в глубочайшем кризисе, и есть немало справедливого в такой его резкой характеристике, именуемом как состояние "разложения общественной нравственности".

В условиях расширения свободы поведения личности в процессе постепенно реализующегося принципа "дозволено все, что не запрещено законом" правомерное поведение должно как никогда прежде основываться на внутренних, культурно-нравственных сдержках либо побуждениях, преграждающих путь безнравственной вседозволенности, заставляющих соблюдать не только закрепленные законом, но и общечеловеческие, санкционированные и религией, применительно к азербайджанскому обществу исламские правила социального поведения. Многие негативные проявления духовной жизни, размывание в общественном сознании понятий добродетельного и непорядочного, ослабление нравственной сопротивляемости людей злу и несправедливости ведут к существенной лимити-

ровке принципа дозволения, поскольку его действенность зависит и от умения, а не только от желания правильно пользоваться в условиях предоставляемой свободы поведения. Последнее должно отражать определенный уровень культурности личности как объединяющего выражения ее интеллектуального, нравственного, политико-правового развития. И, несомненно, потребуются годы и значительные усилия в масштабах всего общества, чтобы внедрить в сознание и поведение людей такую культурность, свободную от односторонней ограниченности.

Применительно к праву подобные идеи должны охватывать реальные представления о правовой культуре личности. Существующие разработки, в частности, касающиеся правового воспитания личности, формируемой на основе содержательной характеристики ее правовой культуры, раскрывают структурные составные части индивидуальной правовой культуры (знание и понимание принципов права; уважение к праву, убежденность в справедливости закона; привычка соблюдать правопорядок). Предполагаемая правокультурная личность должна содержать в себе значительно больший и разносторонний подбор компонентов, совокупность которых отразила бы также общие культурные и правокультурные традиции и ценности, национальные и религиозные особенности, связанные со специфическими проявлениями в правовом сознании национальной психологии, стереотипов и традиционных форм поведения, религиозно-конфессиональное влияние на социально-правовое становление и развитие личности .

Не умаляя важности работы по правовому просвещению масс, следует четко уяснить, что этим далеко не исчерпывается правовоспитательная деятельность. Более того, важно готовить не просто "знатоков права", сколько активных граждан, превративших в своем сознании правовые сведения в прочные правовые убеждения, надежные

ориентиры поведения, выработавших в себе навыки пользования правом, использующих правовые знания в активной правомерной деятельности.

Заинтересованность общества в формировании гармонично развитой, активной личности, знающей и умеющей пользоваться своими правами и свободами, отстаивающей их "законными средствами" закономерно отражаются и на правовоспитательном процессе, его формах и методах. Тем самым актуализируется значение для понимания целей этого процесса поисков ответа на вопрос: кого, какую личность мы в конечном счете формируем, воспитываем, пропагандируя право, просвещая и обучая ему. Действительно, "...Правовая культура – часть общей культуры общества или отдельной личности" (43, с.255). Однако, при этом, "правовое воспитание должно иметь своей непосредственной задачей: а) общее повышение знаний о праве; б) усвоение воспитуемым правовых требований; в) формирование убеждения в социальной необходимости, полезности и обязательности права; г) внедрение твердых навыков правового поведения" (52, с.192).

Таким образом, стремление воплотить в законах и других юридических источниках права справедливости свойственно позитивному праву, созданному многими государствами прошлого и современности. И невзирая на все различия в понимании справедливости царем Хаммурапи и законодателями наших дней, отождествление права со справедливостью никогда не было ни абсолютной истиной, ни абсолютной ложью. Позитивное право должно было восприниматься как нечто справедливое, как некий официальный эталон справедливости, признанный в данном обществе. Само понятие справедливости всегда предполагало защиту интересов всех членов данного общества. Это наиболее устойчивая категория, выражающая общечеловеческие интересы, «правду» и «право» для каждого из людей.

И если, как было подчеркнуто выше, справедливая идея не получает нормативного закрепления, она остается за пределами права, в сфере морали, этики, играет роль положения не имеющего обязательной силы. А когда нормативное закрепление получает несправедливая идея, то законом она становится (притом неправовым), а правом нет. Несправедливый закон не есть право.

Однако нельзя не заметить и то, что, стремясь подвести моральную базу под закон и таким образом «отмежевать» его, назвав правовым, от иных законов, авторы невольно смешивают моральные категории с правовыми. В юридической литературе правильно отмечалось в связи с попытками определять право как нормативно закрепленную справедливость, что ссылка на моральные категории справедливости, добра и зла важны при определении и характеристики морали но не самого права.

Между тем довольно широкое распространение в юридической науке имеют представления о противоположности права и свободы, права и справедливости. Такого рода суждения обусловлены во многом тем, что под правом имеют в виду любые веления власти, законодательство которой нередко носит неправовой, произвольный, порой насильственно принудительный характер. Порою свобода противопоставляется равенству. Конечно, если речь идет действительно о свободе, а не о привилегиях, произволе, авторитаризме, то она просто невозможна без принципа равенства, без единого масштаба и равной меры свободы, без права. Свобода и равенство неотъемлемы взаимно предполагают друг другу. Эта проблематика, важна сама по себе, приобретает особую актуальность в условиях современных радикальных преобразований форм и отношений собственности, в постсоветских, постсоциалистических странах и, конечно в Азербайджане.

Таким образом, право есть нормативно закрепленная

справедливость. Иначе говоря не всякий закон можно считать правом, если он не отвечает объективным требованиям права – справедливости. Последнее, как понятие о должном, выраженная в нормах права – законе, носит всеобщий масштаб, является равной мере свободы, одинаковой распространяющейся и обязательной для всех субъектов правоотношений. Если же равное значение справедливости подменяется какими-либо частными, корпоративными интересами, происходит разрыв границы между правом и произволом. В таком случае закон лишается критерия справедливости и потому не может называться правовым законом. Правовой закон – антипод несправедливости, неравенству. Реальная жизнь такого закона возможна только в условиях правового государства, общества. Вот почему в определении рассматриваемого принципа правового государства подчеркивается господства права, как социальной ценности, ориентирующей на высшие гуманистические, демократические идеи – справедливость, свободу, равенство и верховенство такого закона, который выражает правовые принципы общества.

Обеспечение господства права и верховенства закона во всех сферах общественной жизни связывается с усилением механизмов поддержания правопорядка на основе развития народовластия. Это значит, что все направления правовой реформы и формирования правового государства должны быть увязаны с возрастанием роли правового закона – справедливости, свободы и равенства в жизни общества.

Именно правовой закон связывает государство, личность, общество. Им закрепляются права и свободы граждан, гарантии их реализации, устанавливаются отношения между государством и гражданами, их взаимные обязанности. Отсюда понятна та огромная роль, которую призвана играть конституция, как правовая основа государства и, в

главных параметрах, всего общества. Конституция представляет собой наивысший юридический акт, систему зафиксированных, как правило, в едином документе относительно стабильных правовых норм, которые определяют устройство и цели государства, принципы его организации и функционирования, положения личности в государстве, ее права и свободы, способы политического волеобразования и принятия решений.

Положения конституции всегда являются первичными, учредительными. Все остальные законы и правовые акты так и иначе принимаются в развитие конституционных установлений, их конкретизации и не могут противоречить конституции. Приоритет конституции – неотъемлемый и не временный признак правового государства.

Принимаемая обычно большинством населения (изобразительным корпусом) она выступает как бы в качестве «общественного договора», заключаемого между гражданами и государством, которым фиксируется общественное согласие и без нее невозможна свободная совместная жизнь людей в государственно-организованном обществе. Конституция придает государству необходимую легитимность, устанавливает пределы государственного вмешательства в сферу Общественного саморегулирования.

Таким образом, конституция есть основной закон государства, но государство и право не представляют собой нечто, существующее вне взаимодействия людей. Напротив, она является результатом развития социальных связей, способом организации совместной жизни и деятельности людей, их взаимодействия во имя индивидуальной и социальной жизни. Конституция формирует основы правового режима общества, его политического единства, определяет цели, функции, организацию и порядок деятельности государства и его органов, их взаимоотношений с гражданами.

Конституция, однако, не ограничивается лишь уста-

новлением государственного строя. Регулируя внешние границы свободной деятельности различных социальных структур, отношения собственности, брака и семьи, свободу образования, творчества и культуры и т.д., она тем самым устанавливает юридические основы организации общественной жизни в некоторых наиболее важных ее сферах. В силу этого конституция действительно является основным законом не только государства, но и общества. Проблема не в том, чтобы вывести общество из-под регулятивного воздействия, а в том, чтобы найти оптимальное соотношение «государственного» и «общественного» в организации социума, исключив поглощение общества государством и одновременно гарантировав государство от разрушительного воздействия на него общественных структур, цели и деятельность которых не тождественны конституционному строю.

Конституция есть закон, устанавливающий пределы государственной власти посредством закрепления прав человека и гражданина и возложения коррелирующих этим правам обязанностей на государство, а также пределы индивидуальной автономной личности, характер их взаимоотношений и меру взаимной деятельности.

Конституция это способ закрепления и выражения высших правовых норм, и в этом смысле Конституция является так называемой абсолютной нормой, которой не могут противоречить любые правовые акты, действующие в государстве. В связи с этим Конституция выступает в качестве закона, обладающего верховенством на всей территории государства и высшей юридической силой, гарантирующего политическое единство народа и единство экономического пространства государства.

Важнейшее место в Основном Законе занимают права и обязанности человека и гражданина, определяющие сферу индивидуальной автономии личности и закрепляющие

взаимные обязательства государства и гражданина. Можно отметить деидеологизацию закрепляемых в Конституции прав и обязанностей, упрочение системы юридических гарантий, стремление создать более надежный правовой механизм их осуществления и т.п. Основными по своему значению и месту в системе общественных ценностей стали право на собственность, на свободу экономической деятельности, право на здоровую окружающую среду, свобода информации, право на подачу конституционной жалобы, обязанность платить налоги и др., что также нашло отражение в действующей Конституции АР. Небезынтересно отметить, что в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Азербайджанской Республики содержится 48 статей, тогда как в соответствующих частях Конституции АР 1937 года содержалось 16 статей, а в Конституции АР 1978 года – 37 статей.

Сама Конституция Азербайджанской Республики была принята 12 ноября 1995 года путем всенародного голосования (референдума). Эта Конституция была подготовлена Комиссией под председательством Общенационального лидера Г.А.Алиева, который будучи в то время Президентом Азербайджанской Республики, собственно, и был инициатором ее принятия. Известно, что Конституции, их содержание, никогда не оставались неизменными, застывшими. Они постоянно изменялись и развивались. По мере развития общества и государства, в нем изменялись и Конституции. Это относится к Конституциям всех государств, в том числе и Азербайджанского государства. Изменения в нее были внесены всенародным голосованием, соответственно вначале 24 августа 2002 года, затем 18 марта 2009 года и последние – 26 сентября 2016 года.

Современные Конституции постсоветских, посттоталитарных республик были приняты, на наш взгляд, на период перехода к правовому государству с учетом нацио-

нальных и исторических особенностей, сложившегося уклада жизни, обычаев, традиций и других специфик каждой республики.

В государственно-правовой сфере переходный период можно характеризовать как особое состояние государства и права, которое сочетает в себе элементы нового и старого, формирующиеся новые институты и старые представления, выражающие инерцию политической и правовой системы, политического и правового сознания. Это – процесс перехода государства и права, которые сформировались и функционировали в условиях однопартийной, административно-командной системы, как самостоятельной, независимой от общества, вне его контроля силы, т.е. от тоталитарного государства к государству и праву, основанным на общечеловеческих ценностях и представлениях о демократическом, правовом государстве, служащего интересам общества личности (37, с. 60).

Практический демонтаж старой советской и утверждение новой общественной экономической и политической систем уже состоялись. Это, можно, сказать, первый этап переходного периода. Второй этап этого периода, который мы переживаем сегодня, характеризуется укреплением и совершенствованием нового качественного состояния. Было бы интересным также отметить, что существует противоречие между статьей 7 Конституции АР и ее преамбулой. То есть обнаруживается «...противоречие между 7-ой статьей Конституции АР, где Азербайджан закрепляется – как правовое государство, и содержанием части преамбулы, когда народ Азербайджана намеревается только построить – это самое правовое государство» (17, с. 80).

Как отмечал ныне покойный, азербайджанский ученый-конституционалист З.М. Касумов еще в 2008-м году: «...думается, что несоответствие преамбулы и редакции статьи 7 Конституции АР, в случае дальнейших изменений

Конституции может быть устранено» (47, с. 13). К сожалению надежды покойного автора, не оправдались, и его научно обоснованное пожелание не было претворено в жизнь. Подтверждением этому является то, что в результате проводимых с 2002-го по 2016-е года всенародных референдумов, в Конституцию Азербайджанской Республики был внесен ряд изменений и дополнений, но указанное несоответствие так и не было устранено. Как зеркальное отражение, данное несоответствие нашло свое продолжение и в Конституции Нахчыванской Автономной Республики (НАР) между преамбулой и статьей 46 Конституции НАР.

Проблема, однако, не сводится лишь в количественным изменениям в системе прав и обязанностей личности или закреплению в Основном Законе конституционных обязанностей государства. Главное место в Конституции АР (ст.12) является признание обеспечения права и свобод человека и гражданина высшей целью государства. В широком социальном и юридическом плане речь идет о превращении права и обязанностей человека и гражданина из средства и способа регулятивного воздействия на общественные отношения извне в часть правового механизма внутренней саморегуляции и саморазвития общества, высшую ценность которого составляет человек, его права и свободы.

В современных условиях, тесно связанных с изменением в мышлении людей, поиском путей активизации социальной деятельности, позитивная ответственность все более рассматривается как возможность, позволяющая поведение человека поставить под контроль его собственного сознания, а такие понятия, как честь, достоинство и гордость поставить под контроль его совести. А правопозитивная ответственность граждан закономерно выступает гарантом их должного поведения, как мера требова-

тельности человека к себе, приобретает признаки социально-правового долга. Ответственное правомерное поведение противопоставляется безответственному, является его антиподом; оно включает в себя как ответственность личности за осуществленные поступки, так и за неиспользованные возможности, которые общество предоставило для совершения социально полезных дел.

Направления, по которым право ориентирует, регулирует и стимулирует поведение личности, строятся на сочетании методов убеждения и принуждения в их обеспечении. Закономерно, что общество с помощью имеющихся общих и специальных способов поощряет одну, приемлемую для него линию поведения и не одобряет, старается блокировать, не допустить иную – неприемлемую. Общество всегда диктует своим членам определенную модель поведения; и потому предпочтительнее быть активным, чем пассивным, совершать правомерные, чем противоправные поступки.

Угроза принуждения, свойственного праву, способна привести действия определенных лиц с неустоявшимися мотивами поведения в соответствие с требованиями правовых предписаний. Тем самым, санкция нормы становится пассивным побудителем правомерного поведения таких лиц. Более того, напоминание о существовании норм, запретов, подкрепленных юридическими санкциями, способствует укреплению в сознании лиц, имеющих источниками своего поведения убежденность в социальной справедливости права, уверенности в государственной защищенности их жизненных прав, свобод и интересов, их социальной полезной и активной деятельности в обществе. Обеспечивая, в том числе и принуждением должный порядок, наличие правового воспитания относится лишь к способам воздействия права на поведение. В литературе справедливо отмечается, что меры принуждения, которые ниже низше-

го и выше высшего предела возможностей восприятия личностью и обществом как справедливого государственно-правового реагирования на поведение людей, перестают быть "потенциалом принудительности правового воздействия", не могут быть "определителем пределов правового воздействия на личность".

Для иллюстрации несоразмерно "мягких" размеров наказаний за совершение преступлений, являющих непреодолимую особую опасность для граждан, общества в целом, сделаем ссылку на такие нормы УК АР, как статьи 183.2.3 и 153; первая из них законодателем отнесена к категории особо тяжких (кража ценностей из музея), а вторая – развратные действия в отношении малолетних – к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности (128, 64). В отличие от советских времен, принцип справедливости закреплён в качестве фундаментального принципа права в новом Уголовном Кодексе Азербайджанской Республики (ст.8 УК АР). Видение смысла гуманности только в мягкости наказания и в наличии случаев освобождения от него, в отрыве от справедливости объективно подготавливает почву для будущей несоразмерности при отправлении правосудия. Проявленный законодателем не обоснованный гуманизм не только в корне противоречит принципу справедливости, требованиям нравственности, но и может склонить к совершению преступлений. Об этом ещё в 90-е годы предупреждал И.А. Исмаилов. "Средства, избранные для достижения даже самой высокой цели, если они противоречат принципам нравственности, порочат эту цель, способны подорвать самую базу ее реализации. – писал он. – В свою очередь безнравственная цель обесмысливает законность средств, даже если она формально не нарушена (они установлены компетентным органом с соблюдением предусмотренной процедуры)" (43, с. 171). Правовое воздействие таким пу-

тем ведет, как свидетельствуют специальные исследования, к снижению или исчезновению объективной оценки правового поведения, размыванию границы между должным и запрещенным. В таких условиях принципиальное значение как фактор воздействия права на поведение приобретает его авторитет в обществе, неотделимый от успехов в решении проблем укрепления, законности и правопорядка. Определяя для себя престижность права, личность тем самым соотносит свое поведение с правовыми требованиями к социальной деятельности людей, признает их справедливыми, а их претворение в жизнь необходимым и полезным как для общества в целом, так и для себя в отдельности. Она согласует свои поступки с теми образцами поведения, которые зафиксированы в праве, и руководствуется ими, осознанно поступая в обществе, призванным быть воплощением гуманистических идей о социальной справедливости, его граждане особенно восприимчивы к моральной стороне закона, нравственным аспектам его осуществления в жизни. И вполне закономерно, что престиж права может рассматриваться как метод социального управления, как фактор, воздействующий на правовое сознание и поведение людей.

На общественном мнении, социальных настроениях и поступках людей сказываются затянувшиеся и непослдовательные процессы экономических и политических преобразований, снижение авторитета государственной власти (когда глава государства на совещании, в прямой телепередаче называет некоторых глав исполнительной власти и членов их семей "обнаглевшими") и престижа правоохранительных органов (яркий пример этому, банда высокопоставленного офицера МВД АР Гаджи Мамедова), – ослабление внешнего сдерживавшего контроля над поведением, "эйфория безнаказанности" на всех уровнях.

Дестабилизирующие процессы, углубляющие разрыв

между нормативными представлениями о социальной справедливости, добропорядочном поведении и реальной практикой, что укрепляет убежденность масс в бессилии государственно-правовых структур, служат дальнейшей нравственно-правовой деформированности личности, расширению социально-правового маргинального поведения, усилению конфронтационных проявлений, росту агрессивного сознания. Мы считаем, что выполняя основополагающие религиозные нормы, немалая часть азербайджанских граждан, так же будет стремиться выполнять и нормы правовые. То есть граждане будут стремиться к правомерному поведению не только потому, что они придерживаются государственных законов, поскольку они вполне могут преступить какие-либо законы в своих интересах, будучи уверенным в том, что избегут наказания со стороны государства, но откажутся от правонарушений, потому что остерегутся Божьего наказания для себя и своих близких, как в потустороннем мире, так и в этой жизни. Ведь "на авторитет, воспитательную роль закона и на Божью кару уповали еще римские юристы и философы (например, Цицерон предлагал использовать страх Божьего наказания для предотвращения нарушения закона), как и многие мыслители более поздних времен" (59, 784). Значимость религиозной мотивации отказа как от уголовно-наказуемых, так и просто общественно-порицаемых действий высока, к тому же "при социальной деформации личности, большинство преступных мотивов непосредственно вызываются недостатками нравственного формирования личности" (62, с.39). Чрезвычайно важно в Республике иметь наличие и пропаганду такого образа жизни – как мотивообразующего общественного явления, при котором будут созданы все условия для благоприятного формирования личности. У этой нравственно сформированной личности будут складываться такие духовно-

ценностные ориентации и мотивы поведения, которые в дальнейшем станут соответствующей базой для соблюдения правовых закреплений.

В Конституции и нормах отраслевого закона правового государства получает закрепление принципа социальной справедливости. Реальная конституция, подлинно конституционное государство является объектом сознательного человеческого формирования управления и регулирования. Оно не стремится охватить своим регулятивным воздействием все проявления жизнедеятельности человека – его экономическую, культурную, религиозную и политическую активность и ограничивается лишь выполнением функций делегированных гражданами и не нарушающих свободу личности. Конституционное государство предполагает его подчиненность обществу, с юридической очередностью сферы и полномочий государственного вмешательства, с правовой регламентацией деятельности государства и с созданием институциональных и иных гарантий прав человека, его свобод.

Итак, правовое государство – конституционное государство и это положение вряд ли нуждается в дополнительных аргументах. Конституция – обязательный признак правового государства, основанного на господстве права, отрицании произвола власти и бесправия подвластных. Как правильно отмечает В.А.Четвертин термин «Конституционное государство» применяется отнюдь не к любому государству, в котором есть конституция, а лишь к тому, где государственная власть ограничена правом в целях создания оптимальных условий для функционирования саморегулирующегося гражданского общества (25, с. 10). Однако, как свидетельствует мировой опыт, наличие в той или иной стране конституции само про себе еще не означает функционирование в ней правовой государственности. Государство может иметь конституцию, даже по формаль-

ным и чисто внешним признакам достаточно демократическую, и, вместе с тем в нем может действовать антидемократический режим. В таких условиях конституция либо попросту игнорируется, либо используется в качестве ширмы, прикрывающей сущность режима.

Характерный пример давала практика «социалистических» стран, где конституционно провозглашалась власть народа, демократические права и свободы, а в действительности существовал партийно-государственный диктат, режим «социалистической» законности подавлял личность. Не случайно в большинстве этих стран конституция не имела прямого действия, отсутствовала конституционная юстиция и т.д. В результате конституция как бы повисала в воздухе, оставаясь актом политическим и идеологическим, не выполняя своего главного назначения.

Важной чертой конституции правового государства является ее реальность, т.е. соответствие действительности. Если конституция и действительность находятся в единстве, если установления конституции претворяются в жизнь, достигают своих целей, воплощаются в действия субъектов конституционных правоотношений, можно говорить о реальности конституции. Реализация конституционных предписаний, высокая степень эффективности их действия во многом зависит от повседневной деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти, от высокой политической сознательности, социальной активности и правовой культуры граждан.

Понимание права как справедливости, включает в себя с необходимостью и волю, интересы человека, людей, общества. Представление о справедливости складываются, исходя из человеческих интересов, которые формируют волю людей. Фактическое положение людей в обществе, их интересы, представление о справедливости, их воля, нормативное закрепление этой воли – таков в общих чер-

тах процесс формирования права и закона. Однако далеко не всегда они выражают волю всего населения государства, его абсолютного большинства. Реальная жизнь показывает, что принимаемые законы во многих случаях вырабатываются при решающей роли работников соответствующих высших звеньев аппарата органов государственной власти.

Об этом свидетельствует, в частности, положения ст.96 Конституции АР, согласно которой народные депутаты не могут вносить изменения в проекты законов, внесенных в парламент Президентом, Верховным Судом, 40 тысячами граждан, имеющих избирательное право, Прокуратурой АР и Милли Меджлисом НАР. Это они могут сделать только с согласия инициаторов законодательной инициативы.

Правда государственный аппарат всегда участвует в подготовке законов. Однако, таковое приобретает отрицательное значение, когда интересы работников аппарата государственных органов и большинства населения страны не совпадают. Несовпадение интересов государственного аппарата и населения или его большей части наглядно видно в социальной сфере. Так, в то время, когда специалисты таких отраслей как наука здравоохранение, образование и т.п. настоятельно требуют повышения заработной платы и их поддерживают многие депутаты парламента республики, руководство министерства финансов отказывают в этом, ссылаясь на отсутствие денежных средств и другие причины.

Все вопросы, касающиеся жизненных интересов народа, например, разработку и утверждение государством экономических и социальных программ, на наш взгляд, обязательно необходимо выявить волю народа, что возможно при обсуждении указанных программ. Отсюда вытекает необходимость расширения полномочий парламен-

та республики, что способствовало бы выражению в принимаемых законах интересов большинства народа; это явится важным шагом на пути закрепления социальной справедливости, формирования правового государства. Судьбу закона решают депутаты – народные избранники, призванные изучать интересы и волю своих избирателей и учитывать их при принятии закона.

Одновременно с этим необходимо совершенствовать законодательную работу, всю деятельность парламента республики по подготовке, обсуждению и принятию законов, привлечения к ней широкой общественности. Надо чаще практиковать для широкой информации населения публикацию проектов законов, их предварительное обсуждение и выявление и закрепление в законах справедливых предложений граждан.

Разработка и принятие справедливого закона сложная профессиональная деятельность. Однако, как показывает работа парламента, очень немногие депутаты проявляют себя профессионально, да и не могут этого сделать, поскольку большинство депутатского корпуса не являются юристами. Отсюда и то, что многие законы, не отвечают критериям права, являются не действенными, часто подвергаются изменениям и дополнениям, нередко вскоре отменяются обновляются. Законодательство нуждается в помощи науки, каждый принимаемый парламентом закон должен быть научно обоснован. В этом огромная роль принадлежит ученым, прежде всего – правоведам, социологам, экономистам, экологам, а также представителям других наук при принятии соответствующих законов. Примечательно, что и в Конституции АР, в преамбуле указывается на: "...намерение азербайджанского народа, наряду с другими намерениями утвердить справедливость..., обеспечить всем достойный уровень жизни в соответствии со справедливым экономическим и социальным поряд-

ком..." (1, с. 3). В современной Конституции Испании (1978г.) желание "...установить справедливость" названо в числе главных стремлений народа, утверждающего Конституцию. Конституция Индии (1949г.) среди целей народа на первое место также ставит обеспечение социальной, экономической и политической справедливости (). В ст.149 Конституции АР, в части I-ой говорится, что "...Нормативные правовые акты должны основываться на праве и справедливости" (1, с.58). Конституции и законы во многих странах мира содержат положения о справедливости, аналогично вышеуказанным.

Закрепление в нормах несправедливой идеи, превращает ее в закон (причем неправовой), а в право, превращать не может. Классическая правовая формула гласит: "Несправедливый закон не есть право". Без претворения в жизнь принципа справедливости не может быть и речи о построении правового, социального государства – провозглашенного Конституцией Азербайджанской Республики. Как указано азербайджанским ученым Ш.Алиевым "...действовать по справедливости – значит действовать правомерно" (16, с.700). Кроме этого, принцип справедливости, будучи необходимым элементом правопорядка обеспечивает стабильность в общественном развитии, сводит к минимуму причины социальных потрясений. Необходимо помнить, что при оценке нравственного и правомерного поведения сама категория справедливости играет важнейшую роль.

Формирование правового государства – процесс достаточно длительный. Пока право и закон различаются, пока сохраняются и действуют законы, не отвечающие принципам справедливости, свободы и равенства, говорить о построении правового государства, как это зачастую делается нашими лидерами нельзя. В исторической перспективе, когда будет создано правовое государство, одним из

его признаков станет сближение права и закона.

После Второй мировой войны, Всеобщая декларация прав человека, которая была принята Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, привела к тому, что в законах многих стран нашли отражение различные нормы этой Декларации (29). Азербайджанская Республика, как независимое государство, присоединилась к Всеобщей декларации прав человека и ратифицировала ее. За истекший период после провозглашения независимости и в Конституции Азербайджанской Республики, и в других нормативно-правовых актах в сфере защиты прав и свобод человека были созданы формы правового обеспечения, усовершенствована деятельность государственных органов, занимающихся надежной защитой прав человека.

Статья 12 Конституции Азербайджанской Республики закрепляет «обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики» в качестве высшей цели государства. Как видно, права и свободы человека и гражданина закрепленные Конституцией Азербайджанской Республики, как наивысшая ценность определяет их обеспечение в качестве составной части высшей цели государства (50).

Права и свободы человека – единственная ценность, которая признается в государстве высшей. Ни одна другая конституционная ценность такой значимости не имеет, а, следовательно, располагается по отношению к ней на более низкой ступени и не может ей противоречить. Права граждан пользуются приоритетом при осуществлении всей государственной деятельности.

Понятие «высшая ценность» не юридическая, а философско-нравственная категория. Можно согласиться с тем, что на конституционном уровне предпринята попытка уйти от всевластия государства и бесправия личности с использованием имеющейся конституционной практики со-

временных государств. Уже сама сущность конституционных норм заключается в обеспечении согласия и компромисса в обществе, раскрытии потенциала каждой личности при необходимой государственной поддержке и помощи.

Чаще всего права индивида нарушаются государством и поэтому тезис о приоритете прав и свобод личности должен означать в первую очередь верховенство прав индивида над государством, т.е. права и свободы личности ставят пределы для государственной власти. В каком-то смысле это может означать торжество моральных принципов, когда слабая сторона, в лице прав индивида, не поглощается сильной стороной, т.е. государством.

Произошедшая весной 2020 года пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, проявления которой продолжают и в настоящее время, стала серьезнейшим вызовом не только для экономических и политических систем, но и для механизмов реализации и защиты основных прав и свобод человека, активно формировавшихся в последние десятилетия. В числе стран, столкнувшихся с указанными вызовами, оказалась и Азербайджанская Республика.

В целях борьбы с новой коронавирусной инфекцией в большинстве стран были приняты ограничительные и запретительные меры, которые формально не отвечали признакам чрезвычайной ситуации, но содержали предписания, характерные для них. Например, формально и в ряде других стран были приняты меры, которые характеризуются как режим повышенной готовности, а также иные ограничительные меры санитарно-эпидемиологического характера. Такие меры не соответствовали режиму чрезвычайной ситуации, который не был введен, но ориентировали государственные органы и население на соответствующее этому режиму поведение. Эти меры не содержали прямого запрета или ограничения прав и свобод, содер-

жащихся в Законе Азербайджанской Республики «О чрезвычайной ситуации», но накладывали ряд ограничений на права населения и налагают на него дополнительные обязанности (39). При этом одновременно был введен ряд дополнительных полномочий организационно-распорядительного и запретительного характера для органов власти. Особый карантинный режим (ОКР) у нас в стране введен в соответствии со статьей 25 Закона АР «О санитарно-эпидемиологическом благополучии» (38). Интересно, что Закон был принят в 1992 году и, несмотря на внесение в него некоторых изменений, все еще действует и находится в силе.

Существует еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание – это понятие «самоизоляция». Сама категория «самоизоляция» вошла в юридический оборот только в прошлом году, однако юридически она не закреплена на уровне законодательных актов, что приводит к неоднозначному ее толкованию, как со стороны государственных органов, так и со стороны граждан. Полагаем, что данное понятие целесообразно определить законодательно и предусмотреть юридические механизмы самоизоляции, а также последствия ее несоблюдения. Хотелось бы отметить, что данное понятие не определено и в законодательстве иностранных государств.

Конституционная обязанность государства – это своего рода высший, можно сказать моральный долг государства перед обществом и гражданами. Важнейшее место в Основном Законе занимают права и обязанности человека и гражданина, определяющие сферу индивидуальной автономии личности и закрепляющие взаимные обязательства государства и гражданина.

Государство также должно обеспечивать, чтобы финансовые соображения не ограничивали доступ людей к тестированию, профилактике и лечению COVID-19. В

условиях эпидемии уклонение от обращения к врачу наносит ущерб не только самому человеку, но и окружающим, поскольку чревато распространением вируса.

В этом аспекте анализируя соотношение права и морали, можно увидеть, что выполнение правовых норм в значительной мере обуславливаются тем, в какой мере они соответствуют требованиям морали. Нормы права не должны противоречить положительным устоям общества. Вместе с тем, требования общественной морали непременно должны учитываться государственными органами при разработке нормативных актов государства. Соблюдение норм права входит в содержание нравственного долга граждан в обществе. С развитием морального и правового сознания повышается авторитет норм права, совершенствуются как нормы морали, так и нормы права. Право должно способствовать утверждению идеалов добра и справедливости в нашем обществе.

Подытоживая вышеизложенное, стоит отметить моральную обязанность государства не допускать того, чтобы серьезный кризис медицинского характера перерастал в кризис с правами человека только потому, что надлежащее здравоохранение может быть недоступным для населения. Любое правительство должно принимать меры в интересах того, чтобы обеспечивать каждому человеку наличие и экономическую доступность медицинской помощи и лечения.

Именно вследствие созвучия азербайджанскому правовому сознанию идеи истинности – "хаклы", справедливости правовое сознание не может сделаться подвластной праву как форме, пусть даже определяемой рационально выведенной естественной необходимостью. Во имя этой идеи оно может лишиться фактической легитимности любые официально законные нормы и юридические статусы. С другой стороны вышесказанное не означает, что азербай-

джанское правосознание нигилистически (нигилизм – от латинского слова nihil – ничто, т.е. отрицание установленных норм и ценностей (58, с. 219) относится к праву по причине его формальности. Такое нигилистическое отношение, если можно так сказать, берет свое начало от самого советского типа правосознания, которая ставила знак равенства между юридическим и правовым, всячески преувеличивала роль позитивного закона. При этом, вопрос о правомерности самого закона не ставился, ибо он, в силу наивысшей прогрессивности советского права, считался само собой разумеющимся. Фактически же правовая сила закона состояла в том, что он является приказом государства. В силу "общенародного" характера этого государства справедливость его приказов не должна была вызывать сомнений. Таким образом, очевидный антиправовой характер советской правовой системы, в основе которой лежали только формальные источники, а материальные (имеется в виду природа человека, разум, общество и т.д.) полностью отвергались, объективно не в состоянии была обеспечить правомерность в настоящем смысле этого слова. Советская система уже сдана в архив истории, во всех бывших союзных, а ныне суверенных республиках провозглашены совсем другие ценности, в том числе и религиозного характера, которые, наконец-то, должны отвечать вековым чаяниям нашего народа, однако истинное положение дел выглядит не лучшим образом. Не вдаваясь в политико-экономические подробности данного вопроса, хотели бы отметить, что советский тип правопонимания (его можно рассматривать как самым реакционным проявлением позитивистского правопонимания) продолжает доминировать как в законодательной, так и правоприменительной практике.

Для этого можно взглянуть на положение с законностью и правомерностью в современном Азербайджанском

государстве, и нередко обнаружить объективные основания для суждений о низком уровне законности и правомерного поведения населения, отсутствии правопорядка, "неприживаемости" законов в нашем обществе. Соответственно появляется точка зрения о слабости азербайджанского правосознания и о правовом нигилизме нашего народа, считается, что наше общество страдает правовым нигилизмом. Определяя для себя престижность права, личность тем самым соотносит свое поведение с правовыми требованиями к социальной деятельности людей, признает их справедливыми, а их претворение в жизнь необходимым и полезным как для общества в целом, так и для себя в отдельности. Она согласует свои поступки с образцами поведения, фиксируемыми правом, и руководствуется ими, осознанно поступая в обществе, призванным быть воплощением гуманистических идей о социальной справедливости, т.к. азербайджанский народ особенно восприимчив к моральной стороне закона, нравственным аспектам его осуществления в жизни.

Некоторые наши сограждане скептически относятся к государственным велениям, не следуют предписаниям закона, считая это справедливым. Правосознание складывается из представлений людей о необходимых правилах поведения, которые должно поддерживать государство, об оценке поведения людей, как правомерного или неправомерного (т.е. защищаемого или запрещаемого государством), о правомерности или неправомерности существующих в обществе учреждений, институтов и т.п. (17, с.78). Естественно, что в обществе, где не уважается и не исполняется закон, грубейшим образом нарушается режим законности, уровень правосознания всегда будет невысоким, а устои этого общества (и соответственно государства) рано или поздно подвергнутся разложению и разрушению.

Согласно части 1-ой статьи 7-ой Конституции Азер-

байджанской Республики, "Азербайджанское государство – демократическая, правовая, светская, унитарная республика" (1, с.5). Отсюда делается простой и закономерный вывод, что – Азербайджан является светским государством. Но наличие светскости не может быть препятствием, в ощущениях повышенной ответственности религиозных людей по отношению к обществу, государству, их любви и верности к Родине, которая, как известно из Конституции АР – священна (1, с.24). Религия, религиозность – это для Азербайджанского государства, нуждающегося в нравственно развитых, верующих гражданах, прежде всего объект заботы как исторического и духовного наследия нашего народа (ст.16 Конституции АР) (1, с.8). Это проявление является ведущим в отношении государства к религии. Необходимо помнить, что пренебрежение религиозными чувствами, бесспорно сформирует негативное общественное отношение к велениям государства, и как следствие усилит неправомерные установки в обществе.

В настоящее время в классификации взаимоотношений государства и религиозных образований принимаются три основные модели: кооперационная, идентификационная, и сепарационная (отделительная). Иногда в этой типологии вместо идентификационной модели, берется за основу авторитарная модель. В принципе, на карте мира не так уж и много государств, кроме Азербайджана, считающихся светскими согласно Конституции этих стран, правда, это излагается в различных формах, как то: церковь – религия отделена от государства; запрет на официальность какой-либо религии; прямое декларирование светского характера и т.д. В число этих государств, входят и такие государства как Турция и Франция, несколько стран-участниц СНГ – это Россия, Таджикистан, Туркменистан и др. (95).

Исследуя характер взаимоотношений государства и

религиозных образований в окружающем нас противоречивом мире, нами предлагается внести следующие изменения в основополагающий Закон Азербайджанской Республики "О свободе вероисповеданий", последние изменения в котором зафиксированы в 2015-ом году. Мы предлагаем: а) дополнить преамбулу Закона АР "О свободе вероисповеданий" пунктом об особой роли традиционной религии ислам; б) убрать из статьи 5 Закона АР "О свободе вероисповеданий" пункт о недопущении установления преимуществ для одной религии (70). Учитывая, что преамбула к закону фактически является декларацией, не имеющей силы закона, то и наличие вышеуказанного пункта в преамбуле больше нужно для авторитета государства, чем для исламской религии. Желательно было бы также, законодательно отреагировать на замечания Венецианской комиссии Совета Европы по совершенствованию данного Закона, в частности на пункт о сомнительном запрете гражданам Азербайджанской Республики получать религиозное образование без разрешения в органах исполнительной власти. Как было замечено выше, во многих развитых демократических государствах законодательно закреплено преимущество выбранной религии народа этой страны. Приняв во внимание, военную агрессию со стороны соседней Армении, в которой религиозный центр Эчмиадзин играет консолидирующую роль для армянской нации, для нас просто необходимо усилить наши религиозно-исторические традиции. Следует также обратить внимание на статью 29 вышеуказанного Закона, где пункт о проведении религиоведческой экспертизы явно следует подкрепить принятием соответствующего нормативно-правового акта, а учитывая конституционную закреплённость права об альтернативной службе, желательно принять Закон о государственной религиоведческой экспертизе. Этот Закон важен и потому, что имеется нужда в дополнительной

проработке всех вопросов проведения религиоведческой экспертизы. Существует необходимость точного определения правил проведения религиоведческой экспертизы, проведения комплекса мер для усовершенствования работ, связанных с проведением государственной религиоведческой экспертизы. Обязательно принять во внимание подготовку грамотных специалистов этой сферы, для чего необходимо проведение различных семинаров, научно-практических конференций. В соответствующих ведомствах создать условия, как для научных публикаций, так и их обсуждения, а также создания необходимых методик для проведения этой экспертизы. Кроме того, требуется законодательно положить конец ущемлению прав верующих граждан Азербайджанской Республики женского пола, когда совершенно необоснованно, в нарушение конституционных прав граждан, паспортная служба Министерства Внутренних Дел (МВД) требует для фотографии на удостоверение личности снятие религиозного, головного платка-"хиджаба", формально для лучшей идентификации личности. На пространстве СНГ, например, в России и Кыргызстане эта проблема давно нашла свое решение, во всем цивилизованном мире нет подобных ограничений прав на религиозной почве. При этом, в странах СНГ с преобладающим мусульманским населением, религия ислам воспринимается со всеми своими атрибутами, и платок-"хиджаб" является атрибутом продолжения национальных духовных традиций. Духовное наследие народов этих стран, в т.ч. и Азербайджана через традиции культуры и нормы нравственности, наполняет правосознание своих граждан. Ничего общего с регрессом, с возвратом в "дремучее" прошлое, здесь нет, и не может быть.

В правосознании европейцев, закон возводится в ранг такой общечеловеческой ценности, которая, разрешая возникающие социальные конфликты, дает возможность

обеспечить также и личную свободу. В подтверждении этого, можно привести высказывание российского ученого П.И. Новгородцева. "...Западная философия права, – писал он, – прекрасно отдает себе отчет в том, что помимо права как опоры и вспомогательного средства живет и действует еще известный внутренний фактор – нравственность, нравы и обычаи... Но основное устремление западной мысли состояло именно в том, чтобы поставить человека и всю его нравственную жизнь на почву автономного закона личности, в независимости ее не только от Церкви, но и религии вообще..." (66, с.377).

"...Западное право насквозь пронизано идеей индивидуализма, и его источником выступает автономная личность, чья воля (или совокупное сложение волей) формирует закон. Только таким способом приобретают необходимую духовную основу идеи правового государства и господства права: все для личности, и выше ее священной свободы нет ничего. Это есть культура рациональная и светская, мало зависящая от религиозных воззрений и настроений и "считающая величайшим достижением научной мысли и общественных усилий, то отделение права от нравственности и религии, которое с течением веков образовалось в ней..." – это высказывание другого российского ученого А.М.Величко (27, с.90). Приводя цитаты из работ российских ученых, следует отметить двоякую цель этого внимания, – это и общая история наших стран в Советском Союзе, и конфессиональная близость православного христианства и ислама. Это было не раз отмечено и в высказываниях главы Российской Федерации, и подтверждено дружескими отношениями иерархов наших религиозно-духовных образований. Не стоит забывать и наличие у нас Бакинской Прикаспийской епархии Русской православной церкви. Поскольку, в европейской правовой культуре естественное право соотносится со

справедливостью, а позитивное право – с полезностью, то рассматривая идею верховенства права (закона), русский ученый Г.Н. Муромцев высказывает весьма интересную мысль о том, что в странах исламской цивилизации сам характер правоотношения "обусловил верховенство права по отношению к обществу и государству" . "...Поэтому, – пишет он далее, – не столь далек от истины арабский автор Г.М. Бадр, утверждающий, что мусульманское общество было основано на господстве права, задолго до того, как эта идея стала краеугольным камнем западных обществ., в исламе право (божественный закон) предшествует обществу и государству и выступает в качестве их правоосновы. Поэтому в идеале, и то и другое должно соответствовать праву..." (17, 90). Необходимо отметить, что, ничего, кроме как государственной идеологии, само государство, формировать не может, но и сама религия не может полностью занять общественное сознание, особенно в условиях светскости государства.

Азербайджанскому правовому сознанию, наполненному религиозной составляющей вперемешку с идеями совместности, коллективизма до последнего времени были чужды идеалы крайнего индивидуализма, который где исподтишка, а где неприкрыто ему внедряют, видимо в целях лучшего манипулирования его сознанием. Не секрет, что крайний индивидуализм предполагает отторжение своих религиозно-исторических традиций и отсутствие борьбы за свою самобытность на всех уровнях социальной жизни, в том числе и правовой составляющей.

Традиционно присущие как религиозному, так и правовому сознанию идеи единой уммы-общины, служения государству как богоустановленному, предопределяют то, что – "проблема конфликта личных интересов, равно как и проблема конфликта интересов различных социальных

групп, склонна разрешаться не путем борьбы за политическую власть, а посредством апеллирования к власти существующей. Исламское право обязывает население страны к повиновению практически любой власти, которая официально не отказывается от основополагающих основ ислама. Но это повиновение предписывается не потому, что мусульманское мировоззрение призывает мириться с несправедливостью и проповедует "идею непротивления злу насилием", а только по причине недопущения смуты в обществе, пролития безвинной крови, а также общегражданского противостояния, которое, в конечном итоге приводит к ослаблению государства" (17, с.49). В истории азербайджанской государственности, по нашему мнению, руководители Азербайджанского государства – вольно или невольно действовали согласно мусульманскому мировоззрению, и старались не допустить пролития безвинной крови в общегражданском противостоянии. А религиозное мировоззрение предполагает, что конфликт будет разрешен не в пользу того, на чьей стороне сила, а того, на чьей стороне справедливость.

Изложенное частично раскрывает скептическое отношение массового азербайджанского сознания к рациональным аспектам позитивного права, к закону и правомерному поведению. В азербайджанской правовой культуре закон олицетворяет собой идеи истинности-хакка, праведности и богоугодности, а невозможность достичь подлинных целей и ценностей ("читай" – высокой духовности) трансформируется в мнение об отчужденности законов нашего государства от реальной жизни и скепсису к категории правомерности.

Европейский – западный рационализм, материализм и христианская этика, внедряемые в восточное азербайджанское правосознание, плохо совмещаются с идеализмом и исторической устремленностью нашего народа к высшему духовному началу, к коллективизму и нематериальному смыслу.

ВЫВОДЫ

1. Учения о праве основу своего формирования взяли от философских, этических категорий и от социально-правовой мысли. Без этого представить предмет истории учений невозможно.

2. В формировании и развитии идей о праве большую роль сыграли этические нормы. Политическая и правовая мысль опирается на этические традиции. Именно комплекс этических норм служит для обогащения содержания истории учений о праве.

3. Азербайджанский народ, уверенно и успешно продвигающийся по пути построения правового государства, с большим энтузиазмом использовал и сейчас использует, и будет использовать в дальнейшем бесценные культурные и духовные наследие. А одно из составляющих этого культурного и духовного наследия есть учение о праве.

4. Философия, этика и право исследуют духовную сферу индивида, особенности его сознания и духовного опыта. Но эти знания используются современной цивилизацией нередко для манипулирования сознанием среднего человека.

5. Современный человек активно декларирует свою приверженность ценностям культуры, воспринимая при этом культуру не как качество жизни, а как количество предоставляемых ею к его услугам материальных и духовных благ.

6. Философско-этические учения стараются объяснить опасность угроз, стоящих перед человеком. Этим внесли свой вклад в осмысление этих проблем и в распространение соответствующего отношения к духовности. Эти угрозы есть результат многих процессов, происходящих в обществах, но особую роль сыграли теории, которые в основе морали видят материальный интерес, сводя общественную жизнь человека к выгоде и наживе.

7. В процессе строительства правового государства, в

научной правовой мысли Азербайджана радикально меняются традиционно трактуемые понятия, деидеологизируются одни, корректируются понимание других. В реальности ценностные критерии должного поведения личности могут проявляться намного богаче, рельефнее, если подпитываются религиозно-историческими традициями нашего народа.

8. Возможность неограниченного вмешательства в человеческую природу новейших биомедицинских технологий, помимо избавления от многих серьезных недугов, влечет за собой возникновение серьезных этических и правовых проблем. Новые научные достижения в области биоэтики и защиты прав человека стали источником определенных трудностей и, не имея однозначного решения, являются предметом научных, общественных, мировоззренческих споров.

9. Вопросы, связанные с определением начала человеческой жизни и ее конца, с юридическим статусом терминальных больных, человеческого эмбриона, с допустимостью вмешательства в генетические характеристики человека и другими биоэтическими проблемами, обозначенными как «соматические» права, требуют разработки и реализации юридического механизма их защиты.

10. Согласно официально провозглашенным лозунгам, человеческий фактор поставлен во главу угла всех осуществляемых коренных переустройств общественной и государственно-правовой жизни. Материальные причины, доминирующие в природе, которые приписывались и социальной среде, согласно советской идеологической доктрине, должны были привести к полной победе коммунизма, олицетворяющего высшую стадию прогресса человечества. Однако вместо обещанного земного рая обществу досталась материальная и духовная нищета, что было вполне закономерно. По нашему мнению, в социальной жизни ведущее место должно принадлежать духовному началу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası // 12 noyabr 1995-ci ildə qəbul edilmişdir (2002-cı il 24 avqust, 2009-cu il martın 18-də, 2016-cı il sentyabrın 26-da tarixində olan dəyişiklik və əlavələrlə) - Bakı: Qanun, 2018. - 48 s.
2. Azərbaycan Respublikasının cinayət məəcəlləsi. Bakı, 2006. S.272
3. Heydər Əliyev. Müstəqilliyimiz əbədidir: I-ci kitab. Bakı: Azərnəşr, 1997, 597 s.
4. İnsan hüquqları və bioetikaya dair ümumi bəyannamə //Bioetika: sənədlər, terminlər. Elm. red. A.Mustafayeva. Bakı, 2009. S. 295
5. Qüdrətov O.H., Qüdrətov N.O. İslam kitabxanası. Bakı: Oskar, 2005, 652 s.
6. Quliyev A.İ. Hüquq ensiklopediyası. Bakı: Qanun, 2007, 1108 s.
7. Quliyev A.İ. Hüquq sosiologiyası. Bakı: Qanun, 2012, 503 s.
8. Quliyev A.İ. Azərbaycanın ictimai-siyasi fikrində sosial ədalət ideyası. Bakı: Təknur, 2008, 351 s.
9. Rzayev A.Q. Nəzrəddin Tusi: həyat və yaradıcılığı, dünya görüşü. Bakı: İrşad, 1996, 266 s.
10. А.И. Мустафазаде, З.Асланов. Медицинское право. Учебное пособие. Баку, 2017
11. Аврелий Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского Пер. М.Сергеенко, Москва, 1991.С.488; Аквинский Фома. Сумма теологии. Собр. соч. Москва, 1996. С.596
12. Айдин Е. Права пациентов в Турции//Биб-ка межвузовской кафедры медицинского права при Кыргызском госмединституте переподготовки и повышения квалифи-

кации. Эл. ресурс: <https://doctor.kz/health/news/2012/04/26/13150>

13. Алексеев С.С. Право. М.: Статут, 2009, 712 с.

14. Алексеев С.С. Теория права. М.: Юристъ, 1994, 192 с.

15. Алибекзаде Э.А. История духовной культуры Азербайджана (доисламский период). Баку, Гянджлик, 1998, 524 стр.

16. Алиев Ш.М. Научно-практический комментарий к Конституции Азербайджанской Республики. Баку: Юридическая литература, 2000, 726 с.

17. Алиев, И.М. Исламское право и формирование правомерного поведения личности: /диссер. доктора философии по праву/ - Баку, 2016. -182 с.

18. Алиева М.А. Эвтаназия как морально-правовая проблема//Вестник Бакинского университета. 2005, №1.

19. Ализаде А.А. Божественная и земная власть в исламском мировоззрении. Баку: Текнур, 2004, 223 с.

20. Аристотель. Политика. «Издательство Бакинского Университета», 1997, 280 с.

21. Аристотель. Сочинения: В 4-х томах, Т.4. М., Мысль, 1984, 830 с.

22. Атаманчук Г.В. Управление в жизнедеятельности людей. М.: РАГС, 2008.

23. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., ИНФРА-М, 1996. – 512 с.

24. Бугера В. Е. Сущность человека. М.: Наука, 2005-300с.

25. В.А.Четвертин. Размышления по поводу теоретических представлений о государстве. Советское государство и право. 1992, № 5

26. Великие мыслители Запада. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999, 656 с.

27. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права: сборник статей по философии и истории права. СПб.: Изд-во Юридического института, 2002, 158 с.
28. Воронина И.А., Савощикова Е.В., Саблин Д.А. Интеграция биомедицины и биоэтики в правовое пространство как основа охраны и защиты прав граждан на здоровье и медицинскую помощь. <https://urfac.ru/?p=925>
29. Всеобщая декларация прав человека. // Международные акты о правах человека. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtm
30. Гоголева А. Феномен смерти в культурах разного типа: социально-философский анализ. Автореферат. Москва, 2005. 141 с.
31. Гришковец А.А. Государственная служба и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия (практика России) // Государство и право, 2004, №1.
32. Гулиев А.И. Насреддин Туси о социальной справедливости. Баку, Закон, 2014, 192 стр.
33. Гуревич А. Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории. Москва, 1989.
34. Дадашзаде М.А. История азербайджанской литературы (с древнейших времен до середины 70-х годов XX в.). Баку, Маариф, 1987, 216 с.
35. Дж. Тойнби А. Постигание истины. М., Айрис Пресс, 2010-640с.
36. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. И.С. Перетерский; Ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1984, 456 с.
37. Дюби Ж. История Франции. Москва, 2000. 416 с.
38. Закон Азербайджанской Республики «О санитарно-эпидемиологическом благополучии»
http://files.preslib.az/projects/azereco/ru/eco_m4_2.pdf

39. Закон Азербайджанской Республики «О чрезвычайном положении» от 8 июня 2004-го года. http://www.e-qanun.az/alpdata/framework/data/6/c_f_6193.htm
40. Закон Азербайджанской Республики «Об охране здоровья населения» от 26 июня 1997 года / <http://e-qanun.az/>
41. Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Современная западная философия XX века. М.: Проспект, 1998, 432 с.
42. Исмаилов Б.Ф. Теоретические аспекты и законодательная практика государств в сфере правовой регламентации генетики человека. Автореферат. 2007
43. Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы организации борьбы с преступностью). Баку: Азернешр, 1990, 306 с.
44. Калясина Н. Взаимодействие морали и права в современном российском обществе: этический анализ. Автореферат. Шуя, 2008
45. Касумов З.М. Разделение властей. Баку: Тэкнур, 2008. 268 с
46. Кант И. Критика чистого разума. Ростов-на-Дону, 1999, 672 с.
47. Керимов Г.М. Шариат - закон жизни мусульман, СПб.: Диля, 2010, 502 с.
48. Керимов Д.А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции. М.: Юридическая Литература, 1977, 136 с.
49. Китаби-Деде Горгуд. Баку, Гянджлик, 1978, 184 стр.
50. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года. Баку: Ганун, 2019, 60 с.
51. Краткий политический словарь / Под ред. Л.А. Оникова, Н.В. Шишлина, М.: Политиздат, 1983, 367 с.
- 5.2 Кудрявцев В. Н. Социальные отклонения, М.: Наука, 1989. –196 с.

45. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.: Юридическая литература, 1978, 192 с.
53. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002, 238 с.
54. Локк Д. Избранные философские произведения. В 3-х т-х. М.: Мысль, 1985.
55. Льюис Дж.Р. Энциклопедия представлений о жизни после смерти. Ростов на Дону, 1996.
56. Любашиц В.Я. Эволюция государства как политического института общества. Ростов н/д, 2004.
57. Маковельский А.О. Авеста. Баку, АН Азербайджанской ССР, 1960, 144 с.
58. Малахов В.П. Философия права. Екатеринбург: Деловая книга, 2002, 448 с.
59. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. М.: Проспект, 2011, 784 с.
60. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, М., 1988.
61. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государств и права. М.: Юристъ, 2006, 540 с.
62. Меликова М.Ф., Байрамов Э.Р. История политических и правовых теорий Азербайджана (очерки). Баку, Маариф, 1984, 311 стр.
63. Моисеев В.И. Биоэтика – наука о биоэтах // Биомедицинская этика. Трудный пациент, №1, ТОМ 5, 2007, (с.55-58)
64. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Мысль, 1995, 528 с.
- Монтескье Шарль Луи. О духе законов. М.: Политическая литература, 1955.
65. Мустафаев М.Х. Проблемы методики расследования преступлений против правосудия, совершенных работниками правоохранительных органов: Дисс. ... докт. юр. наук. Баку, 2012, 457 с.

66.Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. Сочинения. М: Раритет, 1995, 377 с.

67.Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): Дис. ... докт. юр. наук. М., 2005, 374 с.

68.Очерки по истории азербайджанской философии. Баку, Элм, 1960.

69.Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана. СПб., М., Рева «Летний сад», 1998, 556 с.

70.Религиозные организации. <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=558548>

71.Рзаев А.Г. История политических и правовых учений Азербайджана. Баку: Элм, 2000, 526 с.

72.Рзаев А.К. Общественно-политические и правовые проблемы. Баку, Элм, 1997, 208 с.

73.Рогова Е. Проблема эвтаназии в медицине и культуре XXI века. Минск, 2016

74.Рустамов Ю.И. История социально-политических и правовых учений. Баку: Изд-во Университета Азербайджан, Сяда, 2007, 484 с.

75.Сайид Шариф ар-Рази. Путь красноречия (Нахдж-уль-балага). Баку: "Zərdabi LTD", 2010, 400 с.

76.Теория государства и права. Под редакцией В.М.Корельского и В.Д.Перевалова. М., 1997.

77.Теория государства и права. Под редакцией М.Н.Марченко. М., 1996.

78.Теория права и государства / Под редакцией Г.Н. Манова. М.: БЕК, 1996, 336 с.

79.Теория права и государства. Под редакцией Г.Н.Манова. М., 2006. С.251.

80.Фролов И.Т. Философский словарь. М.: Издательство политической литературы, 1987, 590 с.

81. Фролова Е. Право и мораль (проблемы теории и философии права). МГУ, сборник материалов международной секции «Теория и практика современной юридической науки». Эл.ресурс: <https://izron.ru/articles/teoriya-i-praktika-sovremennoy-yuridicheskoj>; «Государство и право». 2013, № 1. С.13-23

82. Черниловский З.М. Правовое государство: исторический опыт // Советское государство и право, 1989, №4.

83. Элен П. Освенцим и теология//Вопросы философии. 2001, №4.

84. Энциклопедия ума, или словарь избранных мыслей всех народов и всех веков (Сост. И пер. Н.Макарова. М., ТЕРРА, 1998, 642 с.

85. Эфендиев М.А. История политических и правовых учений. Баку, «БГУ», 2002, 612 стр.

86. Юдин Б. Нить бытия // В мире науки. 2006. №9

87. Mills С. Futures of Reproduction: Bioethics and Biopolitics International Ethics Law. L., 2011, 422 p.

88. Muller H.J. Means and Aims of Human Genetic Betterment. In Ethical Issues in Modern Medicine. Ed by R.Hunt and J.Arras. California. 1977. 128 p.

89. Zitrin R., Langford C.M., Tarr N. Legal Ethics in the Practice of Law. W.: American Edition, 2007, 525 p.

90. <https://scienceforum.ru/2011/article/2011001105>

91. <https://scienceforum.ru/2011/article/2011001105>

92. <https://studfiles.net/preview/3549980/page:16>

93. <https://studfiles.net/preview/3549980/page:16>

94. www.russ.ru/layout/set/print/pole/chelovek-rastenie

95. http://www.twirpx.com/files/law/constitutional_f/constitutions/#group_1048.

96. <http://e-qanun.az/>

Ильхам Алиев

**Этические проблемы современного права
(Müasir hüququn etik problemləri)**

Azərbaycan Respublikası Mədəniyyət Nazirliyi
“Gənclik” nəşriyyatı